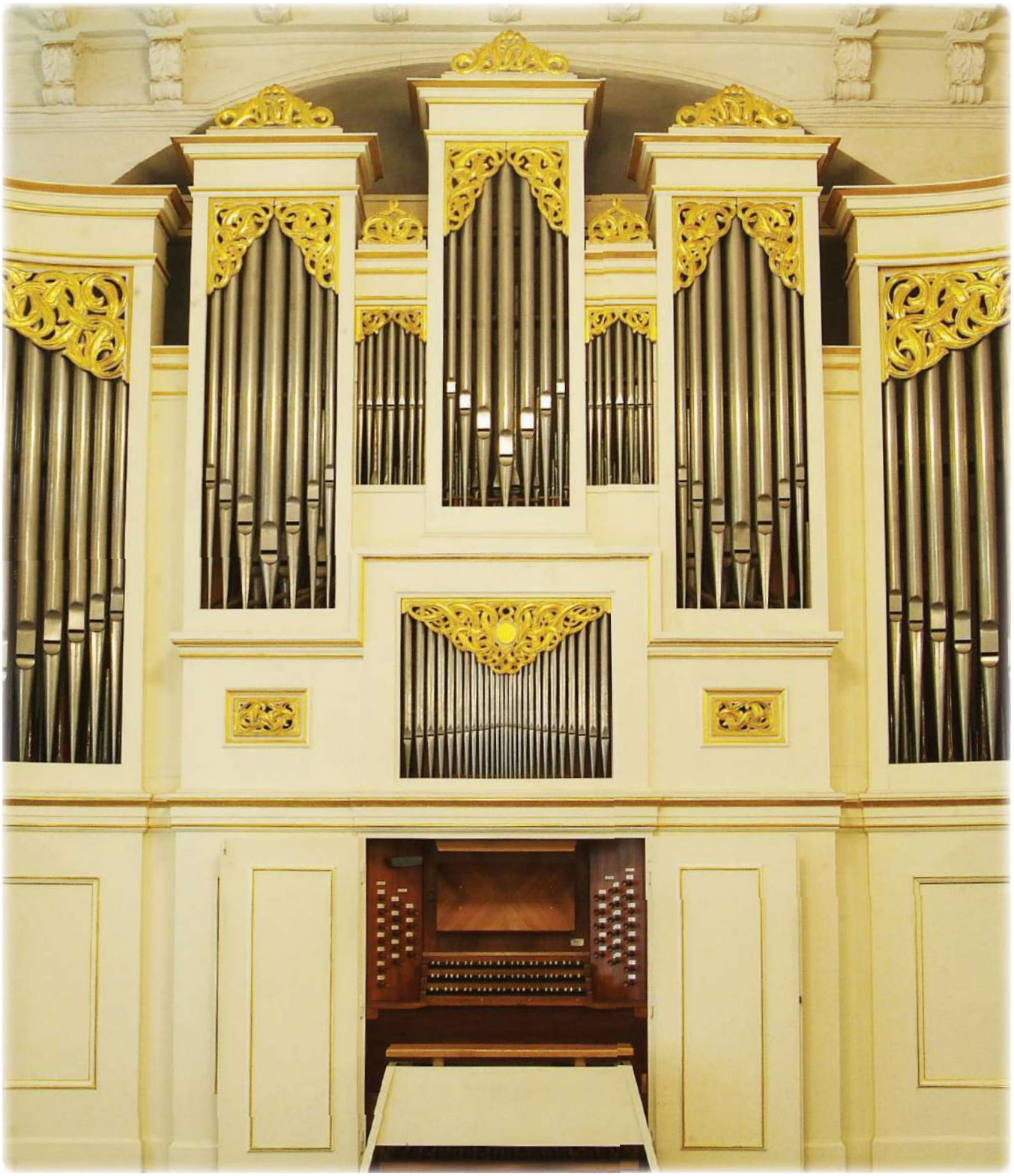
КОНСОНАНС

ISSN 2412-9984

№ 2 (48–50) 2017



ISSN 2412-9984
УДК 78

Консонанс

12+

Научно-просветительский и информационный журнал
№ 2 (48–50) 2017

Содержание

Консерватория сегодня, завтра:
Гармоничная эстафета власти 2
Второй Всероссийский педагогический форум в Нижнем Новгороде
Галина Лашманова 4
Ассоциация выпускников Нижегородской консерватории подводит итоги уходящего 2017 года
М. Ю. Одиноков 7

Наши юбиляры:
«Невозможно стать лидером по назначению — это нужно доказать»
Э. Б. Фертельмейстер 8
Любовь к литературе длиною в жизнь
З. И. Кирнозе 11
«Движение — это жизнь...»
Л. Н. Акинина 12
«Главные достижения еще впереди...»
В. Н. Сыров 15

По страницам истории:
«Милому братцу Николаю Александровичу... М. Глинка»
Н. П. Бердникова, В. С. Колесников 18
Новое в биографии М. А. Балакирева
А. П. Анчиков, В. С. Колесников, С. С. Гун 19
По страницам летописи музыкальной жизни (к 110-летию Н. А. Римского-Корсакова)
Анна Царева 21

Галерея памяти:
«Пение — это огонь души»
Андрей Куклев 23
Дмитрий Хворостовский: «Ни за кем не бегал, ни у кого ничего не просил»
Владимир Дудин 24
Памяти друга
Е. В. Паранина 26
Невосполнимая утрата...
Дмитрий Суханов 27
О светлом...
Людмила Рубинская 27
Златые венцы Веры Суриковой
Татьяна Гарькушова 28
На одной волне. Ни дня без Марины
Мария Митина 29
Хочу все знать или дирижерская харизма
Иван Селезнев 31
Уникальная профессия — музыкант
Юлия Серова 33

По следам фестиваля:
Contemporary music
Юлия Серова 35

Дневник меломана:
С любовью из Северной столицы...
Анна Царева 37
Сквозь пространство и время
Георгий Ковалевский 38
Непримиримый авангардист
Иван Селезнев 40

Театральные блики:
Совсем не так
Иван Селезнев 42
Заря апокалипсиса
Виктор Александров 44
Корабль мечты на Эльбе
Виктор Александров 46
Уникальный нижегородский театр
Надежда Базанова 48

Art-сфера:
Страна вдохновения
Юлия Серова 49

Издается с декабря 2015 года
Выходит один раз в полугодие
Главный редактор:
Птушко Л. А.

Редакционная коллегия:
Бочкова Т. Р.
Ульянова Р. А.
Приданова Е. В.
Смирнов И. В.
Суханова Т. Б.

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки»
Адрес редакции:
603950, Нижний Новгород, ГСП-30, ул. Пискунова, д. 40.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65184 от 28 марта 2016 года

© Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки, 2017

Гармоничная эстафета власти

15 декабря 2017 года в Нижегородской консерватории им. М. И. Глинки состоялось историческое событие — произошла смена высшего руководства вуза: народный артист России Эдуард Борисович Фертельмейстер, после 22 лет успешного управления консерваторией, передал пост ректора профессору Юрию Ефимовичу Гуревичу, заведующему кафедрой народных инструментов, вступившему в должность исполняющего обязанности ректора ННГК по решению Министерства культуры РФ.

Э. Б. Фертельмейстер, народный артист РФ:

Уважаемые друзья! Я бы хотел сказать несколько слов и поблагодарить всех вас за 22 года прекрасной жизни вместе с вами в стенах консерватории. За великолепное сотрудничество. Я здесь состоялся благодаря вам, благодаря консерватории, благодаря студентам, педагогам, коллективу, ученому совету, моим друзьям. Я вас всех считаю своими большими друзьями. Огромное вам спасибо. Я сделал для консерватории все что мог, надеюсь, что не очень плохо. Очень бы хотелось, что бы дальше все было еще лучше. Я с удовольствием буду за этим наблюдать и помогать, чем смогу. Спасибо.

Ю. Е. Гуревич, и. о. ректора ННГК им. М. И. Глинки:

Дорогие коллеги!

Я сейчас смотрю в зал и вижу представителей разных поколений: и младше меня, и сверстников, ну и, конечно же, тех, кто когда-то меня учил — наших дорогих старейшин. Хочу вам всем выразить огромную благодарность, потому что я учился у всех вас. Учусь и буду продолжать учиться! Особенно мне хочется обратиться ко всем своим наставникам. Спасибо вам огромное за созданную вами атмосферу творческого братства, где мы общаемся, соприкасаясь душами. Для меня наша консерватория — смысл жизни. Здесь я всегда чувствовал себя уверенным, счастливым человеком. Я не знаю, как в дальнейшем будет складываться моя судьба, но то, что я был по-настоящему здесь счастлив, могу сказать точно. Никогда не стремился к руководящим постам, но, видимо, наступил тот момент, когда ответственность за будущее консерватории выпала именно на мое поколение, и федеральное Министерство культуры приняло соответствующее решение. Тем не менее, хочу сказать вам, что факт смены руководства еще не совсем свершившийся. У нас впереди будут выборы. И я думаю, что коллектив должен сам выбрать того, кто будет занимать эту должность — мнение коллектива при этом превыше всего! И конечно, это место займёт достойнейший человек.

На прошлой неделе, 6 декабря, состоялось совещание в Министерстве культуры РФ, где были озвучены показатели достижений консерватории по основным направлениям. Нам есть чем гордиться. Эдуард Борисович скромно об этом умолчал. Оказалось, что по сравнению с 2012 годом многие показатели развития консерватории возросли в разы. Это говорит о том, что сплоченная команда руководства консерватории во главе с ректором, а также кафедры, секции, службы — все мы прикладывали значительные усилия, постоянно доказывали свой высокий профессионализм и превосходную эффективность. И это при том, что не всегда и не во всём нам сопутствовали благоприятные социальные и экономические условия.

Исходя из такого положения дел, я вижу эволюционный тип дальнейшего развития нашего вуза, не противоречащий заданному ранее вектору движения. Перед нами будут стоять довольно серьёзные задачи, связанные с расширением учебных и учебно-концертных площадей, развитием материальной базы, активным привлечением большего числа абитуриентов. С открытием ССМШ при консерватории мы сможем выраща-

Народный артист РФ Э. Б. Фертельмейстер, и. о. ректора ННГК им. М. И. Глинки профессор Ю. Е. Гуревич

вать талантливых студентов для себя. Еще одна проблема — это работа с регионами. Нам важно активизировать эту работу: активно выезжать на места с творческими проектами — концертами, мастер-классами, оказывать училищам методическую помощь. Мы должны держать руку на пульсе практически во всех регионах России. Так, как это делают сейчас столичные вузы, отбирая самых талантливых ребят по всей стране. В этом направлении необходимо работать и нам. Ну, и конечно, нужно продолжать укреплять наш авторитет на международной арене в сфере экспорта образования.

В решении этих задач необходимо проявление инициативы практически всех, а особенно молодых представителей консерватории. Поскольку наше учебное заведение — наш общий родной дом, активность в его обустройстве потребуется и от студенчества.

Выражаю полную уверенность в том, что и в дальнейшем в коллективе консерватории будет сохранён здоровый моральный климат, основанный на духе свободы творчества. Нам необходимо бережно сохранять и развивать традиции, заложенные некогда нашими выдающимися мэтрами, проявляя при этом искреннюю любовь и доброжелательность друг к другу!

Слова приветствия и благодарности в адрес Э. Б. Фертельмейстера произнес С. А. Горин, министр культуры Нижегородской области (2013-2017 г.):

Хочу поблагодарить Эдуарда Борисовича за ту большую работу, которую он сделал для консерватории. Главное его достижение — создание высоко профессионального коллектива, который составляет славу консерватории, идущей вслед за Московской и Петербургской — это оценка государством ваших заслуг и заслуг Эдуарда Борисовича. Я хочу пожелать Эдуарду Борисовичу долгих-долгих лет творческой жизни в добром здравии, продолжения композиторской и педагогической деятельности. А Ю. Е. Гуревичу, как и. о. ректора, хочу пожелать привносить свое прогрессивное, новое, но при этом сохранять лучшие традиции, чтобы наша консерватория оставалась такой же сильной, как сейчас.

Искреннюю теплую благодарность ректору Э. Б. Фертельмейстеру и слова напутствия будущему руководителю вуза, профессору Ю. Е. Гуревичу от имени коллектива консерватории высказали:

Р. А. Ульянова, проректор по учебной работе ННГК им. Глинки:

Дорогие друзья, дорогой Эдуард Борисович! Мне лично обидно, что в нашей стране существуют какие-то возрастные ограничения: жизнь у нас изменилась, и Эдуард Борисович находится в возрасте расцвета и еще очень много может сделать хорошего как мудрый и дальновидный руководитель. Эдуард Борисович, дорогой, мы надеемся, что Вы нам и впредь будете помогать, мы будем чувствовать ваше надежное плечо. И, наверное, такой тяжелый многолетний труд ректора не давал Вам в полную силу заняться творчеством. Я знаю, что у Вас много интересных

творческих планов и желаю Вам огромных успехов. И, надеюсь, что теперь нас ждет много новой прекрасной музыки, написанной Эдуардом Борисовичем. Спасибо Вам и низкий мой поклон!

О. А. Красногорова, проректор по развитию ННГК, заведующая кафедрой музыкальной педагогики и исполнительства, профессор:

Дорогие коллеги! Я очень благодарна Эдуарду Борисовичу за все, что я умею и знаю. И я надеюсь, что и дальше, буду иметь возможность учиться у Эдуарда Борисовича. Я очень благодарна кафедрам, которые выдвинули мою кандидатуру на пост ректора. Это накладывает на меня определенные обязательства, и надеюсь, что у меня будет возможность их реализовать. Между мной и Ю. Е. Гуревичем нет никаких противоречий, расколов мы не допустим, и мы оба будем действовать в интересах консерватории.

Т. Б. Сиднева, проректор по научной работе, профессор, заведующая кафедрой философии и эстетики:

Эдуард Борисович 22 года в должности ректора. И я очень рада, что за эти годы много сделано. Мы укрепили научные позиции. У нас открылся и работает один из самых авторитетных Диссертационных советов, открылся и работает прекрасный издательский отдел, появились престижные периодические издания, три журнала, и развивается Всероссийская олимпиада. Все это хорошее наследие, которое Эдуард Борисович передает следующему руководству. Огромная Вам благодарность за поддержку, за понимание того, что консерватория это не только образовательный творческий, но и научный центр. И, если бы не Ваш энтузиазм и Ваше деятельное участие, наука такого уровня в консерватории не достигла бы. Огромное Вам спасибо.

Н. И. Покровский, заведующий кафедрой хорового дирижирования ННГК им. М. И. Глинки:

Все эти 22 года консерватории приходилось «плыть» между Сциллой и Харибдой, особенно в очень трудные 90-е годы… Хорошо, что Эдуард Борисович всегда крепко держал руль и верным курсом вел наш «корабль». Поддержка коллектива, как говорит Эдуард Борисович — это самое главное, без этого никто не состоится. Сейчас Эдуард Борисович передает будущему ректору свою профессиональную команду — надежный фундамент и тыл, с которым можно работать. И я желаю Ю. Е. Гуревичу успехов в этом — пусть наш корабль всегда идет правильным курсом, а, если случатся трудности, надеюсь, что Эдуард Борисович не оставит консерваторию без поддержки.

Второй Всероссийский педагогический форум в Нижнем Новгороде

К участию во Втором Всероссийском педагогическом форуме «Современная музыкальная педагогика: диалог традиций и школ» преподавателей и студентов учреждений музыкального образования вновь пригласила Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Это масштабное мероприятие продлилось с 14 по 19 октября 2017 года и стало значительным событием в культурной жизни России.

Вопросы воспитания музыканта-профессионала не теряют своей актуальности, наверное, с момента возникновения первых консерваторий. Инициатором их обсуждения в формате полноценного живого обмена научным, педагогическим и творческим опытом в Нижегородской консерватории стала кафедра музыкальной педагогики и исполнительства, возглавляемая проректором по развитию ННГК им. М. И. Глинки, кандидатом искусствоведения, профессором О. А. Красногоровой.

Крупнейший музыкальный вуз России на шесть дней превратился в площадку для общения участников образовательного процесса с настоя-

Профессор Р. Островский

щими мастерами своего дела, воспитывающими будущие поколения талантливых музыкантов. «Цель, которую мы преследуем, организуя подобные мероприятия, заключается в консолидации, в объединении всего профессионального сообщества, в сохранении традиций нашего музыкального образования, в том числе взаимодействия между всеми ее ступенями», — поделилась организатор и идейный вдохновитель форума О. А. Красногорова.

«Педагогика — это особая роль, призвание, особая направленность мышления. Сегодня здесь собрались настоящие и будущие учителя. И мне бы очень хотелось, чтобы лет через двадцать, пятьдесят здесь, в Большом зале консерватории, сидели замечательные музыканты, которых подготовили сегодняшние педагоги и их ученики. Вот, собственно, для чего мы организовали этот форум», — рассказал на открытии ректор Нижегородской консерватории, народный артист России Э. Б. Фертельмейстер.

Торжественным музыкальным приветствием для всех присутствующих стал концерт Р. А. Островского — профессора кафедры специального фортепиано Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Известный музыкант и авторитетный фортепианный педагог исполнил для нижегородской публики выдающиеся произведения трех знаменитых немецких композиторов И. С. Баха, Й. Брамса, Л. Бетховена — Партиту до минор, Интермеццо ор. 117 и «33 вариации на тему вальса Диабелли».

Классическое фортепианное исполнительство стало темой для обсуждения на многочисленных мастер-классах форума, в которых приняли участие профессор Р. А. Островский, преподаватели Нижегородской консерватории, лауреаты международных конкурсов Е. С. Брахман и В. В. Кожухин. Они провели открытые занятия с учениками музыкальных школ и студентами вузов, подчеркивая важность воспитания профессионального мастерства учащихся для создания художественной интерпретации: от качества звука и особенностей фразировки до технического мастерства. Обращали внимание учащихся на постижение многогранного содержания исполняемых сочинений. Авторские лекции преподавателей кафедры музыкальной педагогики и исполнительства профессора О. А. Красногоровой о проводимых в консерватории олимпиадах, старшего преподавателя О. А. Воробьевой о фортепианной музыке Р. К. Щедрина и С. М. Слонимского, а также методический практикум доцента Т. Е. Щикуновой на форуме были направлены на решение актуальных проблем современной российской фортепианной педагогики.

Круглый стол, посвящённый проблемам методики преподавания психолого-педагогических дисциплин. Проводит профессор Т. Я. Железнова

Научными обобщениями в области истории исполнительских стилей поделился в своих четырех авторских лекциях доктор искусствоведения, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства Московской консерватории В. П. Чинаев. Разрабатывая это новое направление музыкальной науки, ученый использует широкий эстетический и культурологический контекст, проводит параллели с другими видами искусств. Лекции, сопровождаемые видеорядом и аудиозаписями, вызвали большой интерес у слушателей. В их числе были педагоги и студенты консерватории, преподаватели музыкальных колледжей и детских школ искусств, в рамках форума они проходили курсы повышения квалификации.

Большой резонанс вызвал конкурс методических работ «Творческие идеи — методические решения». Практикующие педагоги вынесли на суд профессионального сообщества свои просветительские и образовательные проекты, реализуемые в музыкальных школах и колледжах. Жюри конкурса, в составе которого были задействованы преподаватели Нижегородской консерватории, оценивало, в первую очередь, креативность и масштабность замысла работ. Звания лауреата 1 степени в разных номинациях были удостоены Бокарькова Н. А. («Методический проект», Владимирский областной музыкальный колледж им. А. П. Бородина), Кудряшова И. А., Бортулева Ю. А. («Фольклорный проект», Тульский колледж искусств им. А. С. Даргомыжского), Волкова Д. А. («Творческий проект», Воскресенская детская школа искусств), Вогралик Т. Г. («Авторские пособия и сборники», ДШИ им. Д. Д. Шостаковича, Н. Новгород), Климентова Л. С., Беликова Л. Н., Сафонова О. Р. («Музыкально-образовательный проект», Нижегородский музыкальный колледж им. М. А. Балакирева).

Научно-практическая конференция форума «Современная музыкальная педагогика: диалог традиций и школ» была посвящена обсуждению тенденций и стратегий развития музыкального образования, проблем исполнительской интерпретации и музыкальной педагогики. Её участниками стали директора и опытные педагоги музыкальных школ из Владимира, Ижевска, Кирова, Тулы, Нижнего Новгорода и разных уголков области, а также студенты и аспиранты Нижегородской консерватории.

О последних разработках в сфере цифрового звука можно было узнать благодаря Московскому представительству компании Casio. В рамках форума состоялся семинар «Акустическое звучание цифровых технологий». Слушателям было презентовано гибридное электронное фортепиано с тембрами трех известных концертных роялей и натуральной деревянной клавиатурой. Концерт превратился в настоящий эксперимент: представители компании предложили студентам-пианистам исполнить любимые произведения на этом уникальном инструменте. Сольные и ансамблевые сочинения звучали то элегантно и ясно, как на роялях Berlin Grand, то мощно и богато по резонансу, как это свойственно инструментам Hamburg Grand, то мягко и насыщенно, как на роялях Vienna Grand. Эксперимент наглядно доказал, что новые технологии позволили обогатить возможности электропиано, насытив его более тонкими и разнообразными оттенками звучания.

Существенным отличием этого форума от Первого стало появление нового направления — исполнительства на духовых инструментах. Вопрос о подготовке музыкантов-духовиков стоит в современном российском образовании довольно остро. Многие консерватории испытывают определенные сложности с абитуриентами, а это, в свою очередь, оборачивается трудностями формирования оркестров. Поэтому так важно привлечь внимание музыкального сообщества к духовой музыке и ее проблемам. Своим педагогическим опытом на мастер-классах делились преподаватели Нижегородской консерватории А. А. Самарин (кларнет) и О. В. Попова (саксофон) и приглашенные из Московской и Санкт-Петербургской консерваторий гости — профессор, декан факультета исторического и современного исполнительского искусства О. В. Худяков (флейта) и старший преподаватель Г. Л. Малиев (кларнет).

«Мне понравилась стройная система упражнения для развития дыхания, которую показал Григорий Леонидович Малиев. Заинтересовал его подход к детям. Он осознаёт, что детское внимание концентрируется на непродолжительное время и на этом строит продуктивный урок. Сам я участвовал в мастер-классе Антона Скибы — преподавателя Государственного музыкально-педагогического института им. М. М. Ипполитова-Иванова. Существенным оказалось то, что он знает европейскую методику преподавания и сам применяет эти подходы на практике», — делится впечатлениями студент Нижегородской консерватории Андрей Хмельников.

Украшением форума стал концерт студентов и преподавателей кафедры деревянных духовых инструментов ННГК с участием приглашенных для проведения мастер-классов гостей. Звучала музыка французских и немецких композиторов конца XIX — начала XX веков.

«Я впервые в Нижегородской консерватории, и рад, что здесь учатся и работают такие замечательные люди. Благодарю концертмейстера Юлию Грошеву, которая аккомпанировала мне и блестяще исполнила сложнейшую партию в Трех пьесах-фантазиях для кларнета и фортепиано ор. 73 Роберта Шумана», — поделился Г. Л. Малиев.

Итогом мероприятия стало проведение специального заседания педагогов детских школ искусств и колледжей (руководитель — профессор О. А. Красногорова), на котором обсуждалась концепция развития детских школ искусств Министерства культуры РФ, направленная на сохранение трехуровневой системы музыкального образования, было принято решение всецело поддержать обозначенные в документе перспективы.

В общей сложности в мероприятиях Второго педагогического форума «Современная музыкальная педагогика: диалог традиций и школ» приняло участие более ста человек — внушительная цифра, если говорить о сфере образования в области музыкального искусства. В основном это были опытные практикующие педагоги, чью жизнь составляет забота о подрастающем поколении и музыкальном образовании России. Их отзывы, выраженные в словах и в благодарственных письмах, свидетельствуют об актуальности подобного рода мероприятий. А оргкомитет форума в очередной раз сумел создать доброжелательную творческую атмосферу для всех своих гостей, что уже давно стало своеобразной «визитной карточкой» Нижегородской консерватории.

Галина Лашманова

Ассоциация выпускников Нижегородской консерватории подводит итоги уходящего 2017 года

Немногим более одного года назад Ассоциация выпускников Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки объявила о своем создании и представила основные цели и задачи своей деятельности: сплочение выпускников консерватории разных лет, поддержка профессиональных связей, сохранение и приумножение традиций отечественной школы музыкального образования, реализация научного, творческого и общественного потенциала. Напомним, что Ассоциация — официально зарегистрированное юридическое лицо и некоммерческая организация — является универсальным инструментом привлечения дополнительного финансирования на реализацию различных проектов за счет грантовых средств правительственных и неправительственных фондов.

Используя заложенный потенциал, в 2017 году Ассоциация успешно представила общественности первые опыты и результаты своей деятельности.

Первым творческим проектом стала концертная программа «Парад выпускников Нижегородской консерватории», состоявшаяся 22 июня 2017 года в зале Нижегородского государственного художественного музея. Наряду с выпускниками консерватории 2017 года, в концерте приняли участие выпускники прошлых лет — солисты Нижегородского государственного академического театра оперы и балета им. А. С. Пушкина, артисты Нижегородской государственной академической филармонии им. М. Ростроповича и многие другие. Яркий репертуар, великолепное исполнение и самобытный зал музея создали атмосферу праздника. Учитывая множество положительных отзывов со стороны слушателей, принято решение внести программу в план ежегодных творческих мероприятий Ассоциации под названием «Музыкальная экспозиция».

В рамках конкурса грантов «Активное поколение» Фонда Елены и Геннадия Тимченко в мае 2017 года проект Ассоциации выпускников «Творческое долголетие» был признан победителем и получил финансирование на свою реализацию. 11 октября 2017 года проект официально представлен городской общественности в рамках концерта-презентации, состоявшегося в Центре культуры «Рекорд». Количество заявок на участие в проекте «Творческое долголетие» от представителей старшего поколения подтвердили значимость предложенной Ассоциацией инициативы по организации музыкальных занятий. В настоящее время проект успешно реализуется на трех городских площадках и готовит более семидесяти участников к заключительному Гала-концерту, который состоится в ЦК «Рекорд» 31 января 2018 года.

Праздничным новогодним мероприятием Ассоциация подведет итог деятельности в уходящем 2017 году — в рамках хорового спектакля «Рождественская сказка» планируется представить не просто концертную программу, а реализовать мощный общественный потенциал Ассоциации. На площадке постоянного партнера — Центра культуры «Рекорд» — будут объединены те, кто ждет «чуда» в новогоднюю ночь, и те, кто готов помочь его приблизить к своему воплощению. Порядка пятидесяти юных слушателей из числа социально незащищенных детей и подростков погрузятся в волшебную атмосферу «Рождественской сказки» и получат приятные памятные подарки от благотворителей.

Важным аспектом деятельности Ассоциации является поддержка профессионального профессорско-преподавательского сообщества — представителей старшего поколения, находящихся на пенсии. В текущем году стартовала акция поддержки «ветеранов» консерватории, однако ее ресурсы ограничены и не позволяют охватить всех, кому необходимо дополнительное внимание. Системная работа в этом направлении будет продолжена.

В заключении от имени Президиума Ассоциации мы приглашаем всех выпускников Нижегородской консерватории вступить в профессиональное сообщество и совместно представлять и реализовывать новые проекты и общественные инициативы.

М. Ю. Одиноков

Концерт-презентация проекта «Творческое долголетие»

«Невозможно стать лидером по назначению — это нужно доказать»

Работу руководителя творческого вуза часто сравнивают с деятельностью дирижера, ведь нужно настроить весь коллектив на одну «тональность». Таким «камертоном», к которому прислушивается руководство города и области, ректоры музыкальных вузов, музыканты России, весь коллектив Нижегородской консерватории, более 20 лет является ее ректор, народный артист России, композитор, дирижер, педагог, председатель Комиссии Общественной палаты по культуре и образованию Нижегородской области, профессор Эдуард Борисович Фертельмейстер.

Нам удалось поговорить с Эдуардом Борисовичем в преддверии его 70-летнего юбилея.

— Эдуард Борисович, только что прошла премьера Вашего мюзикла «Красавец мужчина» на сцене Нижегородского оперного театра. Как Вы оцениваете это событие? Все ли получилось?

— На сегодняшний день у меня ощущение полной неожиданности. Я не предполагал, что получится удачный спектакль, ведь все признаки провала были еще при рождении мюзикла. Во-первых, мне совершенно не нравился материал, поскольку А. Островского я в музыке не чувствовал. Во-вторых, когда увидел либретто — оно тоже не очень понравилось. Такой сжатый вариант А. Островского, от которого уже почти ничего не осталось. Но когда появились стихи С. Плотова, мне стало теплее, работать с этим поэтом для меня всегда — счастье. Он — литератор-фантаст, который рождает неожиданные, свежие образы. Он сделал более ясную сюжетную линию, и, возможно, благодаря ему я решил рискнуть. Поскольку образы, связанные с сарказмом, юмором, иронией, мне не очень близки, пришлось свое творческое «я» вывернуть наизнанку. Конечно, помог мой опыт работы в Театре юного зрителя, где нужно было делать спектакли в заданных стилях.

— Интригует жанровый подзаголовок «Красавца мужчины» — «мюзикл в водевильных тонах». Что Вы имели в виду?

— Дело в том, что жанр так и не определили. На одной афише написано «мюзикл в водевильных тонах», на другой — «водевиль». Потому что жанр получился смешанным. Здесь есть и оперные фрагменты — финал первого акта — большая развернутая оперная сцена, и фрагменты мюзикла, и водевиля. Конечно, мы пытались сохранить дух времени А. Островского, значит, сохранить жанр, который тогда существовал. И мы решили, что все-таки будут «тона» водевиля, которые просвечивают сквозь мюзикл и оперу.

— Три года назад прошла премьера Вашей оперы-мюзикла «Коко Шанель», в которой в центре внимания оказалась драма великого кутюрье XX века. Сейчас Вы обратились к пьесе А. Островского, и опять в центре внимания — судьба женщины. Чем Вас привлекают эти сюжеты?

— Я вспомнил о П. Чайковском, который сначала хотел назвать оперу «Евгений Онегин» именем главной героини. Потому что для него Онегин был в меньшей степени интересен, также как и для меня Окоемов. Мне симпатична Зоя как образ, который сильно трансформируется на протяжении спектакля. И мне интересно, как изменяется ее суть: как от веселых ариетт она приходит к драматическим монологам в конце оперы.

— Вы согласны, что жанр мюзикла сегодня становится актуальным в театральном искусстве?

— Конечно, это востребованная форма, но я не уверен, что она должна называться «мюзикл». Для нас это немножко чужеродное название. Наши мюзиклы, конечно, отличаются от бродвейских, и я ищу другую форму и содержание этого жанра, а название пока прежнее. Просто «развлекуха» — меня не интересует, ведь она не является принадлежностью нашей российской ментальности и действительности. Мы должны чувствовать и сопереживать. Жанр становится другим, а значит, со временем родится и новое название.

— Видимо отсюда Ваше стремление сочетать черты разных театральных жанров?

— Да. И слушатель изменился. Мышление стало другое, поэтому должна меняться и форма подачи образов. Сегодня любой театр находится в поиске синтеза жанров: рок-оперы ставятся на драматических сценах, а музыкальные театры

нередко обращаются к драматическим пьесам — художник идет навстречу публике. Он не может находиться в «башне из слоновой кости». Иначе, для кого он пишет? Конечно, существуют люди, которые пишут «в стол». Когда-нибудь, возможно, их работу оценят. У меня мировоззрение более практичное, и этому меня научил театр — мы работали на обязательный успех спектакля, в том числе и экономический.

— Вы придерживаетесь такой политики, что нужно слушателя удивлять?

— Обязательно! «Чем будем сегодня удивлять?» — постоянно спрашивал актеров К. С. Станиславский.

— Ваше композиторское творчество очень разнопланово: хоровые, симфонические опусы, создано много музыки к драматическим спектаклям — багаж огромен. Какие темы близки сейчас? О чем важно Вам говорить со слушателем?

— От того, что я хочу сказать, зависит — какая музыка родится. Если я говорю об одном, то это симфонический опус, если это будет о другом, то песня, если говорю о третьем — мюзикл или водевиль. Но то, что мне хочется сказать сегодня, вряд ли укладывается в «чистый» жанр. Я все время их перемешиваю, и мне кажется, смыслы получаются гораздо серьезнее и глубже.

— Какое место в Вашем творчестве занимает театр?

— Много лет назад театр занимал главное место, потому что я там служил и писал — это была моя обязанность. Потом появилась консерватория, где нужно было в большей степени отдаться педагогической и административной работе, и я ушел из театра, но любовь к нему осталась. Так случилось, что сотрудничество с коллективом нашего Оперного театра принесло два новых успешных произведения — опера-мюзикл «Коко Шанель» и мюзикл в водевильных тонах «Красавец мужчина». Но это не значит, что я замкнут на театральных жанрах. У меня есть и другие замыслы, которыми я пока не готов поделиться.

— Известно, что важная сторона Вашей творческой жизни — преподавание на кафедре хорового дирижирования. Что Вы считаете главным для дирижера, чему хотите научить своих студентов?

— Первое — это ремесло, второе — честное отношение к нему. Профессия дирижера достаточно молода. Можно сказать, что только в XX веке она полноценно встала на ноги. Сегодня многие исполнители пробуют себя в качестве дирижера, но нельзя забывать, что это отдельная профессия с собственными умениями и навыками, которыми надо овладеть.

— Но консерватория ставит еще задачи музыкального и нравственного формирования студентов?

— В понятие ремесло я вкладываю правильное понимание интерпретации музыки. Здесь уже работают и изучение гармонии, теории, полифонии, истории музыки и сольфеджио. Ну, и главное, общий интеллектуальный и эмоциональный рост студента — все это сходится в классе по специальности. Когда мы изучаем произведение, в первую очередь, мы работаем над музыкой и тем как ее выразить и правильно показать. Это и есть ремесло.

— Какие личностные качества в своих учениках Вы принимаете, а какие нет?

— Дирижер — это профессия музыканта над музыкантом. Главный постулат, который мне приходится объяснять, — невозможно стать лидером по назначению, это нужно доказать. Ты должен сделать так, чтобы твоя интерпретация музыки, твоя убежденность заставила других подчиниться. Дирижер должен «зажечь» коллектив. Я пытаюсь внушить, как воспитывать в себе определенные лидерские качества. Учу не бояться публичности, а, наоборот, использовать ее во благо. Показываю, как снимать различные фобии и психологические зажимы, которые мешают овладеть этой профессией.

— А профессор Е. Н. Гаркунов своих студентов этому учил?

— В какой-то степени — да. Но я уделяю этому гораздо больше внимания. Моя деятельность заставила меня пересмотреть и изменить в себе очень многое, для того чтобы быть более успешным. Я делюсь этим со своими студентами. Очень важно убить в себе комплексы неполноценности и, с другой стороны, — комплексы «сверхполноценности». Надо уметь смотреть на себя со стороны, оценивать адекватно и исправлять недостатки, которые сам в себе увидел. Полная свобода — это умение владеть собой.

— Ваши первые музыкальные шаги связаны с родительским домом или с Горьковской хоровой капеллой мальчиков?

— Вначале, конечно, родительский дом. Дома всегда была музыка. Мама прекрасно играла и пела, была очень активным человеком. Преподавала английский язык в школе и по совместительству взяла на себя роль педагога по пению, она владела фортепиано и создавала школьные хоры. На меня времени не всегда хватало. И я иногда «воспитывался» в школе под роялем: он стоял в фойе на холодном цементном полу, а вокруг сидел ее класс, с которым она разучивала песни. Так я «впитывал» музыку *(смеется)*. Дед у меня был художником, но смастерил себе скрипку и играл

по слуху. Домой к нам приходили коллеги мамы — они участвовали в школьной самодеятельности, и папа часто пел дома. Я считаю, что семья — основа всего. Мама и папа — очень музыкальные люди, во мне их гены — музыка мне дана от рождения.

— В одном из интервью Вы сказали, что никогда не думали о ректорской должности. И, тем не менее, руководите консерваторией более 20 лет. Это сложная, в основном административная работа, и все-таки Вы подчеркиваете ее творческую составляющую. Как Вам удается не уставать от «бумажной» ноши и даже в ней находить место творчеству?

— Это мой самый большой «опус». Я как композитор сочиняю какой должна быть консерватория. Не могу сказать, что она была недостойной до моего прихода, это была бы неправда. Она была замечательной, но были недостатки и упущения, которые мне хотелось исправить и пойти дальше. Самое трудное творчество здесь — кадровая политика. Когда берешь краски — знаешь, какой будет цвет, когда нажимаешь клавишу — знаешь, какой будет звук. Но когда берешь человека на работу, ты не всегда знаешь, на что он способен. В какой-то степени люди являются «инструментом» для создания и жизни нового вуза. Тут были ошибки, и я в них признаюсь. Но были и находки, поэтому нам вместе многое удалось сделать для консерватории.

— Что Вы считаете главной удачей своей административной работы?

— Самое важное, нам удалось сохранить консерваторию и двинуться вперед во многих новых направлениях, которые в будущем станут одними из ведущих в любой консерватории. Это те специальности, которые введены. Они идут рядом с исполнительским искусством, с музыковедением и композицией — это и звукорежиссура, и актерское искусство, и журналистика, и педагогика — они уже не могут открепиться от консерватории. Я убежден, что в дальнейшем будет развиваться искусство владения сценическим движением для всех музыкантов, но играть на рояле или на скрипке — как учили, так и будут учить. Уже ничего нового никто не придумает. Возможно, изменятся инструменты, но не изменится принцип подготовки. А вот все то, что сопровождает музыку, — надо обязательно развивать.

Также мне кажется, сам блок исполнительского музыкального искусства нужно обновлять. Принцип педагогики не изменится, а вот материал постоянно обновляется. Сейчас студенты очень мало изучают современную музыку. Конечно, прекрасные композиторы — Шопен, Шуберт, Лист… Но уже XXI век! Где композиторы XX века? Нашего времени? Их музыку очень редко исполняют, а композиторы ушли далеко вперед. И неслучайно многие западные консерватории усиленно продвигают именно современную музыку, хотя в тоже время «выбраковывают» великое наследие. Я считаю, что все должно быть сбалансировано и гармонично — тогда рождается музыкант «сегодняшнего дня», а мы, порой, выпускаем музыканта «дня вчерашнего». Вот это нам надо исправлять.

— А в чем Вы видите основные достижения Нижегородской консерватории?

— Мы сохранили специалитет. Хотя, подчиняясь новым образовательным стандартам, нам пришлось ввести систему «бакалавриат-магистратура». Я думаю, что когда-нибудь все вернется назад. Потому что музыкант — это профессия созревания. И пятилетний срок обучения сложился неслучайно: только к 22-23 годам можно говорить, что человек вырос и созрел в профессиональном плане.

— Сегодня в консерватории проходит множество конкурсов, фестивалей и по активности концертной жизни она уже не уступает филармонии…

— Филармония — центр исполнительского искусства и гастрольной деятельности, а консерватория — центр знаний и умений. Каждая занимает свое достойное место. Тут нет конкуренции и не должно быть. Нынешняя активная концертная жизнь — это, конечно, заслуга той команды, которую нам удалось организовать. Музыканты доказали своей работой и инициативой преданность родной консерватории. И, если я оставляю консерваторию, то я оставляю ее в надежных руках. Если сохранится команда, то даже не так важно — кто будет ректор.

— Вы — нижегородец, почетный гражданин Нижнего Новгорода. Вы любите наш город?

— Очень. Я люблю этот город. У меня с ним связана вся жизнь. Но это не значит, что я не люблю Москву и Питер. Я от них в полнейшем восторге. Но есть место, к которому человек приходит и где ему тепло. В нашей большой стране я облюбовал Нижний Новгород. У меня есть такая песенка «Улочки старого Нижнего». Мы с А. Бараховичем когда-то ее написали. Она очень искренняя. Я люблю парк напротив моего дома. Раньше он назывался парк «Ленинского комсомола», а сейчас «Швейцария». У меня многое с ним связано и, пожалуй, это самое дорогое для меня место.

— И куда Вам хочется возвращаться снова и снова?

— В консерваторию!

Беседовали Лидия Птушко
Надежда Оськина

Любовь к литературе длиною в жизнь

«Дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были,
всегда впереди во всех набегах просвещения,
на всех приступах образованности»
А. С. Пушкин

Несколько лет назад в Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки на кафедре философии и эстетики появился новый преподаватель — литературовед, уважаемый и авторитетный ученый, доктор филологических наук, профессор Зоя Ивановна Кирнозе. Она была приглашена в наш вуз, чтобы первокурсники почувствовали «профессиональный вкус» не только к музыке, но и к литературе.

Филологический путь З. И. Кирнозе длиною более чем в 70 лет начинался с чтения книг в симферопольской школе, где любознательная ученица увлеклась классической поэзией. Затем — обретение профессии в Московском библиотечном институте на отделении культурно-просветительской работы, которое укрепило ее любовь к литературе. А после окончания аспирантуры Московского педагогического университета им. В. И. Ленина определилась ее дальнейшая преподавательская судьба. Одним из самых впечатляющих событий насыщенной профессиональной жизни Зои Ивановны стала командировка в Африку для обучения русскому языку африканских детей, и наконец, Нижний Новгород. Здесь работа в Лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова и в Консерватории им. М. И. Глинки.

Осенью нынешнего года Зоя Ивановна отметила почтенный, очень «весомый» юбилей. О некоторых «штрихах» своей жизни она рассказала в небольшом интервью.

— Стать филологом — это была Ваша мечта? Может быть, кто-то увлек Вас литературой? Или — это счастливый случай?

— Это мечта с детства. Девушки хотят стать балеринами, актрисами или кем-то еще, а я грезила быть филологом. Большего желания, чем читать книги, у меня никогда не было. Еще в школьные годы я приходила в областную библиотеку Симферополя, смотрела на книжные полки и думала, какие здесь работают счастливые люди, которые могут читать даже ночью. Так что всю жизнь я любила филологию. А в филологии и литературу.

— Вы известный литературовед, доктор филологических наук, профессор. А что Вы считаете самым важным достижением в Вашей жизни?

— Киру Юрьевну Кашлявик считаю самым важным достижением в жизни *(смеется)*. Вполне серьезно. Но не только Киру Юрьевну, и других своих учеников. Еще у меня есть сын. Его тоже считаю в некотором роде достижением.

— Кто из учителей особенно дорог Вашему сердцу?

— Ой, их много. И в школе были такие учителя, и в вузе, и в аспирантуре. Среди них литературоведы, доктора и кандидаты филологических наук, заслуженные профессора Тамара Лазаревна Мотылева, Игорь Борисович Дюшен, Сергей Васильевич Тураев, Мария Евгеньевна Елизарова, Борис Иванович Пуришев и другие.

— Большое количество Ваших работ посвящено французской литературе. У Вас есть книги о Жюль Верне, Андре Жиде, Франсуа Мориаке, Ги де Мопассане. Скажите, чем Вас привлекает именно французская литература?

— В первую очередь тем, что французский язык я все-таки выучила. Возможно, не так хорошо, как хотелось бы — надо стараться лучше учить! Но для этого необходимо было закончить французское отделение Института иностранных языков.

— В декабре 2010 года Вы получили Орден Академических пальм и были произведены в чин офицера этого ордена. За какие заслуги Вы удостоены такой высокой награды?

— Просто много написала о французах *(смеется)*.

— А что касается современной литературы (русской и зарубежной). Каковы Ваши предпочтения в этой области?

— Во все времена — Пушкин. Из современных — я все равно выбрала бы Пушкина. А что касается французов, то это Франсуа Мориак.

— Зоя Ивановна, на Ваш взгляд, есть что-то общее между литературой и музыкой?

— Конечно. И первое, и второе обращается к душе человека, ищет смысл человеческой жизни.

— А Вы любите музыку?

— Кто же не любит музыку?! Конечно, люблю.

— Авторам каких эпох, национальных культур Вы отдаете предпочтение?

— Все-таки русской музыке, а именно — Петру Ильичу Чайковскому.

— В жизни Вы общались со многими студентами. Скажите, студенты консерватории отличаются от студентов других вузов? И если — да, то чем?

— Я думаю, они отличаются и в хорошую, и в плохую стороны. С одной стороны, они неформальны, любят свое дело — музыку, для них это смысл жизни. Студенты консерватории более тонкие и деликатные, чем студенты других вузов. С другой стороны, они часто замыкаются только на своем предмете и знают в других сферах недостаточно. В любом случае, я очень люблю с ними заниматься.

— А что Вам нравится в консерватории?

— Студенты. А что здесь еще может нравиться?! *(смеется)*

— Каков Ваш жизненный девиз?

— Тот, который завещала мне моя бабушка: «Умираешь, а рожь сей».

Беседовала Татьяна Дьяченко

Ах, сердце рвать в клочки смешно.
Все это лишь слова.
И наше детство в быль ушло,
И выросла трава.

И есть у нас уж ряд могил
И близких, и родных.
Ты с ними тот же воздух пил,
Что пьешь теперь без них.

Я тоже ближе к их стране,
Чем к детству моему.
Шумит Салгирка по весне
О чем, я не пойму.

И стали осени ясней
Мне зримые черты.
Но все мне видится светлей,
Когда приходишь ты.

Зоя Кирнозе

«Движение — это жизнь…»

У артистичной, стройной и энергичной Лидии Николаевны Акининой — юбилей. Всю сознательную жизнь она занимается балетом. В столичной прессе о ней и ее постановках писали: «…это изумительный человек, о котором можно говорить, как о таланте мирового уровня. Ее "Щелкунчик" станет событием в истории постановок балета» (Е. Барыкин, «Нива России», Москва);

«"Болеро" произвело ошеломляющее впечатление. Философская глубина произведения подчеркнута многозначной ассоциативностью пластики. Ничего подобного в Москве сейчас нет…» (Н. Ончирова, «Балет», Москва);

«…ее творчество достойно подробного отдельного разговора. Создатель образов Зевса-лебедя, Мастера-демиурга, Чародея и Демона — квинтэссенции выразительных возможностей артиста. Ее "Щелкунчик" являет не только свежую трактовку партитуры, но и пугающее ощущение бесконечности ее возможностей… » (Я. Седов, «Культура», Москва).

Последние 17 лет Лидия Акинина преподает в Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, готовит к профессиональной жизни музыкантов-артистов, которыми может гордиться не только она, но и вся страна.

В дни юбилея Л. Н. Акинина любезно ответила на наши вопросы.

— Как началось Ваше знакомство с искусством хореографии?

— Мне кажется, я родилась с мыслью о том, что хочу танцевать. В возрасте 4-5 лет я уже точно знала, что обязательно должна стать балериной. Мои родители любили искусство, ходили в драматические театры, посещали оперные и балетные спектакли несмотря на то, что были простыми рабочими. Узнав о моём увлечении балетом, поддержали. Но однажды я увидела, как рождается постановка хореографического действия. Меня это так заинтересовало, так поглотило, что я вдруг

захотела заниматься этой деятельностью! И даже сочинила балет в трех актах по древнегреческому мифу «Медуза». Музыка к балету была составлена из знаменитых тогда советских песен. Это было смешно, наверное, но педагоги меня поняли, и, начиная с 12 лет, готовили меня не только как исполнителя, но и как постановщика.

— А что повлияло на Ваш выбор института?

— В ГИТИС тогда брали после трех лет работы в театре, а я в театре как балерина не работала, мне сразу хотелось учиться на постановщика. В это время в Казани как раз открылся подобный институт (Казанский институт театрального искусства. — прим. ред.). По его окончании я получила направление на работу в один из поволжских театров (Государственный музыкальный театр имени И. М. Яушева Республики Мордовия. — прим. ред.) и отправилась туда уже как балетмейстер. Проработав там несколько лет, я поехала в Москву и поступила на стажировку в Большой театр, одновременно меня взяли на работу в Московский академический музыкальный театр им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

— Вы учились в Казанской государстенной академии культуры и искусств стажировались в Большом театре… Часто вспоминаете эти времена?

— Конечно, потому что это было незабываемо! И, в первую очередь, незабываемы мои педагоги — народные артисты России и Татарстана Г. Х. Тагиров, Н. Д. Юлтыева, Р. Ф. Садыков, Р. М. Новицкая. Думаю, что наша театральная судьба — это судьба постоянной работы. Нет выходных, нет отпусков, и, знаете, не было каникул. Но для нас это было какое-то безумное счастье. Мы постоянно куда-то бегали, что-то смотрели, обсуждали, потом что-то сами сочиняли. Нас не надо было заставлять, мы даже спали в спортзале, потому что творчество продолжалось и ночами. И это было очень весело: вечно какой-то хохот, смех и какие-то разборки, слезы, естественно.

А воспоминания о стажировке в Большом театре рождают во мне огромную гордость: за то, что жила в Советском Союзе, за то, какие прекрасные мастера хореографического искусства работали тогда в Большом театре: Галина Сергеевна Уланова, Майя Михайловна Плисецкая… Мне очень повезло, что моим наставником в искусстве балетмейстера стал народный артист Советского Союза Юрий Григорович, а на работу в Московский академический музыкальный театр им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко меня пригласил его главный балетмейстер Дмитрий Брянцев. Кафедру стажировки возглавляла тогда солистка Большого театра, профессор Тамара Милашкина, музыкальным руководителем был народный артист Марк Эрмлер — дирижер международного уровня: какой кладезь знаний, какая личность! Режиссуру я проходила сначала у знаменитого Юрия Любимова, но потом разрешили перейти в Ленком к не менее именитому режиссеру Марку Захарову, он был ближе мне по духу. Работала с народным артистом СССР Борисом Львовым-Анохиным. Очень хорошо нам преподавали психологию — на практике. Наш педагог Тамара Михайловна Мышкина работала над развитием стрессоустойчивости с первой группой советских космонавтов. Вот с такой миленькой фамилией она была очень мощной личностью и дала нам прекрасные знания о человеческой натуре. Потом, когда я снова вернулась к руководству театральными хореографическими труппами, я уже могла понимать и чувствовать атмосферу коллектива, управлять им.

— А какая из Ваших постановок запомнилась особенно?

— Для меня своя постановка — это как ребенок. Мое любимое детище — «Болеро» Равеля (Саранск, 1990 г.), которое даже было отмечено в столичной прессе. Потом была моя собственная версия балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского (Саранск, 1992 г.), которая отличается от тех «щелкунчиков», которые сейчас ставятся. Обычно это веселая рождественская сказка, а у меня она была достаточно трагична. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что музыка Чайковского в этом балете трагична, по крайней мере, я ее так слышу. Эта проникновенная музыка… (поет мелодию из «Па-де-де. Танец Принца Оршада и Феи Драже») — это же какой-то плач! Поэтому я делала сказку с трагическим концом. Была интересная версия «Кармен-сюиты» Щедрина, она тоже отличалась от одноименной постановки с участием Майи Михайловны Плисецкой. У меня главная героиня была интерпретирована в народном стиле: она танцевала на каблуках, а не на пуантах — этакая «цыганистая» бестия в короткой пышной юбке. Назову еще один оригинальный балет — «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Я делала его на музыку композитора, выпускника Нижегородской консерватории, к сожалению, уже ушедшего на небеса, — Сергея Терханова.

— У Вас остались нереализованные замыслы?

— Вы знаете, многое не получилось, потому что, оказывается, жизнь очень быстро пролетает! Кажется: ох, как много впереди, но не все «сверстывается». Очень хотела поставить балет на сюжет «Мастера и Маргариты». Вроде бы избитая тема сейчас, а я его хотела поставить, когда еще не было ни одной, даже театральной, постановки. Мы начинали работать над сценарным планом с народным артистом, режиссёром Малого театра

Борисом Львовым-Анохиным. Мне хотелось написать оригинальное либретто, в котором Воланд и Мастер были бы представлены в одном лице. Мы нашли такую интересную деталь: «W» — Воланд, а переверните — буква «M». Шапочка мастера с надписью «M» переодевалась, и перед нами — Воланд. А ведь это ангельское и бесовское — такая борьба добра и зла происходит, наверное, в каждом художнике. Очень жаль, что эта постановка не была завершена, потому что она могла бы стать чем-то значительным.

— Сейчас Вы преподаете танец вокалистам и актерам музыкального театра, да еще и в консерватории — это необычно и очень интересно. Ваш курс отличается от подобного, например, в театральном вузе?

— Да, конечно. И если по отношению к студентам музыкального театра требования по этой дисциплине более серьезные, то к будущим артистам оперного театра мы относимся снисходительно. И это разделение начинается уже на этапе приемных экзаменов: на кафедре музыкального театра помимо актерского мастерства, вокала, у нас есть еще отбор пластический. А на кафедре сольного пения такого отбора нет. Естественно, я прекрасно понимаю, что я не готовлю артистов балета, и мне доверили людей с уникальными вокальными возможностями, поэтому я должна этих студентов только развивать, не предъявляя к ним непомерных требований.

— Студенты считают Вас энергичной, сильной, относятся к Вам с большим уважением. Как удается сочетать в себе качества доброго наставника и строгого преподавателя?

— Я их люблю. Говорю сейчас не для красного словца. Когда человека любишь — от него больше требуешь, потому что за него переживаешь и волнуешься. Почему я их люблю? Потому что я безумно люблю свою профессию. Энергетика присуща актерскому духу. Актер должен «питать» зрителей в зале. А чтобы что-то дать — нужно сначала наполнить себя. Поэтому постоянно читаешь, смотришь, постигаешь, изучаешь — «внутренний двигатель» все это перерабатывает: что-то идет в энергию, что-то — в любовь, а что-то — в строгость и даже агрессию.

— А какими Вы видите современных студентов?

— Студенты — они всегда студенты! Но у молодых сейчас другое образование, не хватает багажа чтения. Из-за того, что они с детства проводят время у телевизора, потом постоянно «сидят» в интернете и телефоне, им не хватает умения фантазировать. Поэтому на первом курсе мы начинаем учить ребят играть, читать и думать. А так, наши студенты — театральные, музыкальные — они другие. Я думаю, что гуманитарное образование сейчас особенно необходимо, потому что музыка, литература, театр меняют людей. Я уверена, что наши выпускники никогда не обидят ни старика, ни ребенка. Поэтому в любом случае такое образование делает великое дело.

— Вы смотрите популярную программу «Танцы»? Как Вы относитесь к современным танцевальным жанрам?

— Иногда смотрю, да. Думаю, что для физического развития это неплохо. Но меня больше интересует процесс отбора на этот проект, потому что сам проект уже перестал привлекать в силу своей ограниченной идеологии, формирующей, к сожалению, образ мысли молодого поколения. Удручает, что содержание одно и то же: агрессия и секс. Но ведь танец намного богаче!

— А как Вы любите отдыхать?

— Отдых на море для меня мало чем отличается от пассивного пребывания «дома на диване». Я предпочитаю действенный отдых. В молодости я много путешествовала с семьей. Так как я считала себя частью актерского братства, то легко могла позволить себе зайти в незнакомый оперный театр и спросить: «А где у вас артисты балета? Можно пройти к ним? Мы знаете откуда? Вот оттуда, тоже балетные…». Так что мой отдых до сих пор заключается скорее в том, что я должна найти чего-то для будущей работы, получить новые профессиональные впечатления.

— И что же Вас вдохновляет в других сферах, в литературе, например?

— Сейчас я испытываю новый всплеск интереса к спектаклям Малого театра 50-х годов, в частности, к постановкам пьес А. Островского. Меня привлекает в них речь на «выдержанном темпе», игра таких прекрасных артистов, как Вера Пашенная и Игорь Ильинский, особое состояние покоя, которое царит на сцене. Видимо, для меня это тоже один из способов дать отдых своему организму. Иногда возникает желание почитать мемуары, и не обязательно написанные артистами. Очень любопытно читать мемуары царской семьи Романовых. Я не монархист, но мне интересно узнать подробнее об их образе жизни. С удовольствием перечитываю «Анну Каренину» и даже детскую литературу, например, сказки.

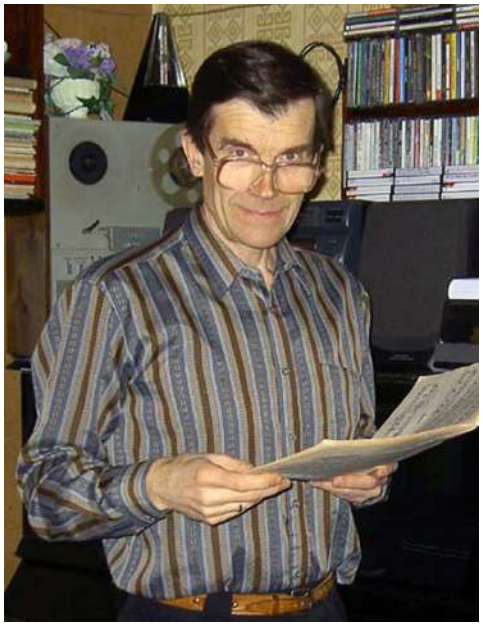
— Малоизвестно, что Вы член Совета ЮНЕСКО по хореографии, расскажите об этом подробнее…

— Да, действительно, я являюсь членом совета ЮНЕСКО именно по хореографии, поэтому, естественно, в числе главных задач — сохранение

этого искусства на должной высоте. Я рассказала профессиональному сообществу, что наша консерватория — один из первых музыкальных вузов, где хореография поднята на высокий уровень благодаря тому, что наш ректор — Эдуард Борисович Фертельмейстер — подумал об организации новой кафедры и успешно реализовал эту идею. Это вызвало необходимость создания новых учебных программ. И уже эти программы позволили сделать так, что наши выпускники — артисты музыкального театра — могут давать масштабные концерты, состоящие из одних танцев. Причем уровень концертов таков, что люди охотно смотрят их. Мне было приятно, что конгресс очень заинтересовался этим. «Как так, в консерватории? Такого быть не может! Вы, наверное, берете их из хореографических училищ». А я отвечаю: «Нет, приходят из музыкальных училищ, а то и вообще из музыкальных школ, и танцуют!» Вообще, участие в работе совета вдохновляет благодаря интенсивному взаимообмену. В этом году, например, у нас будет встреча в Петербурге, куда приедут иностранцы, и к этой встрече я буду серьезно готовиться.

Беседовала Арина Киселева

«Главные достижения еще впереди…»



Валерий Николаевич Сыров — доктор искусствоведения, заведующий кафедрой теории музыки ННГК им. М. И. Глинки, заслуженный деятель искусств РФ — прошедшим летом отметил знаменательный юбилей.

«Он — оптимальный вариант музыканта, ученого, педагога», — так говорил о В. Н. Сырове его учитель — легендарный и любимый всей Горьковской-Нижегородской консерваторией профессор Владимир Михайлович Цендровский. Последние сорок лет научную жизнь вуза невозможно представить без Валерия Николаевича.

Он — авторитетный ученый, и на первый взгляд кажется подтянутым, строгим, даже чуть-чуть суховатым. Но через пять минут общения попадаешь под его обаяние и обнаруживаешь массу оттенков и нюансов творческой жизни этого невероятно скромного и деликатного человека. Круг его интересов сосредоточен не только на музыке, он увлекается искусством фотографии, имеет персональный сайт, на котором ведет дневник, фиксируя в нём свои профессиональные и житейские наблюдения, яркие события из консерваторской жизни.

В интервью Валерий Николаевич рассказал о своих педагогических принципах, жизненных достижениях и о знаковых в его судьбе людях.

— Валерий Николаевич, с каким девизом Вы шли по жизни?

— Самое главное — качественно делать свое дело.

— А был ли кто-то в Вашей семье связан с музыкой? Кто повлиял на Ваш выбор профессии?

— В моей семье не было профессиональных музыкантов. Отец любил музыку, играл на баяне, мама тоже была музыкальным человеком. В семье всегда пели, слушали музыкальные передачи по радио, ходили в кино, часто музицировали. Помню фильм «Карнавальная ночь». Все мелодии, которые там звучали, я подобрал на баяне и мог любую из них сыграть, чем заслужил большой авторитет среди друзей во дворе.

Вот почему назвать какого-то одного, кто повлиял на мой выбор стать музыкантом, не могу, но были замечательные учителя, которые способствовали моему развитию в этом направлении, и я благодарен каждому из них.

— Музыкальный колледж Вы заканчивали как баянист, почему в консерватории остановились на музыковедческом факультете? Это случай или сознательный выбор?

— Так получилось, что в консерватории до третьего курса я учился параллельно на двух факультетах — музыковедческом и народном (класс В. М. Денисова). Оценивая свои силы, я понимал, что мог бы окончить консерваторию по двум специальностям одновременно (благо в те годы второе образование не было платным). Но тогда меня неодолимо влекло в мир «большой» музыки, поэтому и пришло решение сосредоточиться на музыковедении. Хотя передо мной открывались

неплохие перспективы и как у исполнителя: были успехи, победы на конкурсах, сольный концерт с большой и сложной программой. Увы, концерт оказался «прощальным».

Меня все больше привлекали занятия у Владимира Михайловича Цендровского, было интересно проникать в тайны гармонии, разгадывать секреты магии звучания музыки…

— Вы ученик Владимира Михайловича Цендровского, а он выпускник Игоря Владимировича Способина. Ощущаете ли Вы эту профессиональную преемственность?

— Обычно на первом же уроке в 37 классе Владимир Михайлович задавал своим ученикам вопрос: «А знаете ли вы, у кого учился Способин? У Катуара, а Катуар — у Танеева, а Танеев — у Чайковского». Это была разработанная и постоянная экспозиция урока и стратегия всех дальнейших занятий *(улыбается)*. Мы понимали, что принадлежим к высокой музыковедческой традиции, растем из одного корня. Очень надеюсь, что эта «музыкальная наследственность» жива и сейчас, по крайней мере, мы стараемся её поддерживать.

— Расскажите, пожалуйста, о самых дорогих воспоминаниях студенческой поры.

— Мне повезло с учителями. Вспоминаю музыкальную школу, Куйбышевское музыкальное училище, консерваторию… Дело в том, что в природе существуют педагоги с авторитарным характером, а мне в жизни посчастливилось общаться с наставниками противоположного склада, главным стремлением которых было раскрыть ученика, его индивидуальность. Именно таким педагогом и был Владимир Михайлович. Он стал учителем не для одной сотни музыковедов. Его тактика и методика были очень просты — создать для ученика условия для творческого роста, при этом не навязывая свое собственное мнение и не давя авторитетом.

Помню его знаменитый портфель и остро отточенный карандаш, который гулял по нашим тетрадям с задачками по гармонии. Очень аккуратно подправлял голосоведение, каденции, кропотливо, такт за тактом… Это был настоящий мастеринг, если и «техническая кухня», то высокого ранга. Он открывал нам глаза, и мы начинали смотреть на музыку совершенно по-другому. Сейчас эти живые детали вспоминаешь с улыбкой.

Замечательный педагог — Олег Владимирович Соколов… Он — виртуоз слова. Его занятия по анализу — незабываемая школа. А также Тамара Николаевна Левая. Она вела у нас курс отечественной музыки XX века. На её лекциях мы узнали много новой музыки, обсуждали пути ее развития.

А еще проходили заседания научного студенческого общества — кружка НСО, где каждый предлагал свою тему или проблему, велись дискуссии. Тогда же выпускалась стенгазета «Синкопа», где публиковался острозлободневный материал. В частности, активно обсуждался музыкальный авангард — музыка Пендерецкого, Лютославского, Булеза и др.

— Вы более сорока лет преподаете в Нижегородской консерватории, как Вам кажется, консерватория в целом и музыковедческий факультет, в частности, изменились за эти годы?

— Очень сложно ответить на этот вопрос однозначно. Благосостояние консерватории выросло. Повысился и общий уровень подготовки студентов. Музыковед сегодня много знает, появились доступные каналы информации. Книги и музыка, записи которой мы в свое время доставали с большим трудом, сегодня легко найти в интернете. А вот что касается каких-либо откровений, ярких личностей, то не могу сказать, что их стало больше. Скорее наоборот.

КМФ и, в частности, кафедра теории музыки живут достаточно активной жизнью. Например, мы проводим ежегодные всероссийские олимпиады для учащихся музыкальных колледжей, где стараемся выявить будущих талантливых музыковедов. В этом году состоялся хороший прием, группа студентов подобралась дружная. Также ожидается неплохой дипломный выпуск. Кстати, многие наши выпускники, став аспирантами и соискателями, пишут и защищают диссертации.

В Нижегородской консерватории вот уже 15 лет работает диссертационный совет, а подобная структура есть далеко не в каждой консерватории. Это свидетельствует о высокой котировке нижегородского музыкознания.

— У Вас много учеников, как Вам удается найти индивидуальный подход к каждому студенту?

— С начинающими следует обращаться так, как заботливый садовник обращается с саженцем. Нужно ухаживать за робким побегом, и в итоге из него вырастет красивый цветок. Важно увидеть на самом первичном этапе индивидуальность ученика, понять, что его интересует и двигаться в этом направлении.

Неизученных тем и проблем в музыковедении много, их даже не надо специально искать или выдумывать, они лежат на поверхности. Кажется, все уже изучено, но это не так. Основная миссия педагога — помочь молодому таланту найти свой путь и раскрыть его в этом профессиональном движении.

— Помимо педагогической Вы занимаетесь ещё и научной деятельностью. Эти направления равнозначны для Вас?

— Они для меня равновесны. Эти сферы разные, у них своя специфика. Как педагог ты работаешь с человеком — живые глаза, живое общение. А в науке — с музыкой, которую ты изучаешь. Наука и педагогика неразрывно связаны. Я точно знаю, что без научного потенциала педагог не может существовать. Если ты сам в этой области ничего не делаешь, то застываешь в своем развитии и «обрастаешь мхом».

— Вы крупный исследователь в сфере массовой культуры. Чем она Вас привлекает? И кто спровоцировал этот интерес? Неужели Владимир Михайлович Цендровский?

— Я начал интересоваться музыкой «повседневности» еще в детстве, много слушал, подбирал, играл, музицировал. Эта музыка была в «открытом доступе», она постоянно звучала в голове. В молодые годы я увлекся джазом, позже — рок-музыкой. Эти пласты меня особенно привлекали, но, конечно, не в ущерб классике. Классика — это незыблемо: Бах, Моцарт, Чайковский, Шостакович… Интерес же к музыке «третьего пласта» зрел постепенно и позже материализовался в докладах на международных конференциях, статьях, книгах. На кафедре мною был разработан спецкурс «Массовая музыкальная культура». Курс был внедрен в учебный процесс более 20 лет назад, и за это время претерпел ряд существенных преобразований.

— Ваше хобби — фотография, скажите, как давно Вы ею увлекаетесь? Что больше всего любите фотографировать?

— В пятом классе мне на день рождения подарили фотоаппарат «Смена», вот с этого момента все и закрутилось. Позже появился «ФЭД», потом «Зенит». Я посещал фотокружок. Мой стаж в фотографии составляет уже 55 лет *(улыбается)*. Очень люблю фотографировать пейзажи и портреты. Их можно неторопливо кадрировать, опробовать разные ракурсы.

— А есть ли что-то общее между музыкой и искусством фотографии?

— Я много об этом думал. Эти искусства разные: фотография — искусство пространственное, музыка — временное. Одно оперирует светотенями, линиями и красками, другое — звучаниями и интонациями.

Однако фотография — это как бы звучащая тишина, а музыка, в свою очередь, не чуждается пространственных измерений, например, звук высокий или низкий, близкий или далекий. Не зря же музыку сравнивают с архитектурой. Фотография имеет свои ритмы, а музыка — объемы, особенно наглядно они предстают в фактуре, непосредственно связанной с объемом и пространством. Что-то неуловимо общее между ними есть. Конечно, воздействие музыки на человека сильнее, хотя хорошая фотография не уступает по силе воздействия иной картине.

«Лесной гость»

— Что Вы считаете своим главным достижением в жизни?

— Хотелось бы думать, что оно впереди *(улыбается)*. А если серьезно — то это ученики, их больше шестидесяти. Среди них есть и кандидаты наук, педагоги вузов. Со многими мы поддерживаем контакты, общаемся. И не только в Facebook'е. В этом плане я счастливый человек.

— А если бы была возможность вернуться в прошлое, Вы бы выбрали другую профессию или также посвятили свою жизнь музыке?

— Однозначно второе! Только вопрос был бы в одном — оставаться исполнителем или становиться музыковедом. Вне музыки я себя не представляю. Бывает, что музыка снится, и в этом нет ничего удивительного.

— Что бы Вы хотели себе пожелать на следующие семьдесят лет?

— Не терять чувства реальности, ведь иногда с возрастом человек уходит в свои собственные представления, переживания. А также не терять вкус к настоящей музыке. Совершенствоваться самому и помогать совершенствоваться тому, кто пришел к тебе учиться. Пожалуй, можно сказать, что первые семьдесят лет я прожил неплохо *(улыбается)*.

Беседовала Серова Юлия
Фотографии из личного архива В. Н. Сырова, размещены на сайте http://www.people.nnov.ru/syrov/

«Милому братцу Николаю Александровичу … М. Глинка»

В 2017 году исполнилось 160 со дня кончины Михаила Ивановича Глинки. В связи с этой датой мы обнародуем историю портрета композитора, связанную удивительным образом с Нижним Новгородом.

В 1847 году младшая сестра композитора Ольга Ивановна вышла замуж за лейб-гвардии Уланского полка ротмистра Николая Александровича Измайлова. В 1856 году у них родился сын, которого нарекли Александром. Недолго прожила Ольга Ивановна. В 1859 году заболев дифтеритом, она покинула этот свет.

Николаю Александровичу досталось после Ольги Ивановны имение Новоспасское Смоленской губернии (то самое, где родился М. И. Глинка). Н. А. Измайлов продолжал успешную карьеру, дослужившись впоследствии до звания генерал-майора, заведующего конно-заводским округом. Не видя никакой ценности в помещичьем доме, Николай Александрович продал его купцу Ф. Т. Рыбакову. Тот увидел ценность строения в… материале, из которого оно было возведено, а именно, из бревен красной сосны. Рыбаков разобрал дом и переправил его в Коломну, а там, по одним сведениям, устроил в нём трактир и гостиницу, а по другим — казармы для военных.

О спасении вещественных реликвий из родового поместья большую заботу проявил Александр Николаевич Глинка-Измайлов, племянник композитора. Ему принадлежит заслуга сохранения значительной части обстановки двух комнат и личных вещей М. И. Глинки, благодаря чему в 1970 году удалось реконструировать усадьбу в Новоспасском.

Александр Николаевич, по-видимому, обладал неплохими музыкальными способностями. Занимался в Москве у профессора П. Пабста по фортепиано, в 1875 году поступил в Петербургскую консерваторию в класс пения Д. Корси. Впоследствии он выступал не только как певец (бас-баритон), но и как пианист во многих городах России, преподавал игру на фортепиано в музыкальных учебных заведениях Петербурга, Москвы, Воронежа, Нижнего Новгорода, Смоленска и Рославля. Долгие годы он был директором и «профессором сольного пения» в музыкальной школе имени М. И. Глинки в Москве. Александр Николаевич — автор многих книг, в том числе изданной в 1906 году «Музыка — душа моя».

Начиная с 1915 года и до конца 1920-х годов, А. Н. Глинка-Измайлов жил и работал в г. Рославле Смоленской области. Во время Гражданской войны и после нее пожилой и больной племянник

композитора терпел большую нужду и лишения, голодал и замерзал вместе со всей страной.

Неизвестна точная дата приезда Александра Николаевича в г. Горький. Сестра композитора А. А. Касьянова — Мария Александровна — хорошо помнила невысокого, скромно одетого человека, позвонившего в их квартиру на улице Минина в начале войны. Он представился племянником М. И. Глинки Александром Николаевичем Измайловым. Было ему в ту пору 86-87 лет. Александр Николаевич принес упоминаемый нами портрет М. И. Глинки — ценную реликвию, пронесённую им через всю жизнь, через все невзгоды — не то чтобы на память, а как бы на сохранение известному горьковскому композитору.

Портрет обрамлен «родной» рамкой. Рисунок выполнен пером, французским карандашом или как-то еще — не специалисту определить трудно. На портрете надпись — автограф Глинки: «Милому братцу Николаю Александровичу Измайлову в знак искренней дружбы. М. Глинка. С.П.Б. 26 апреля 1849». Любопытно, что в эти же годы «милым братцем» М. И. Глинка называет в своих «Записках» и Василия Илларионовича Шестакова, мужа сестры Людмилы Ивановны.

Автора портрета установить не удалось. В окружении М. И. Глинки было несколько художников, среди которых академики живописи Я. Ф. Яненко, К. П. Брюллов, а также братья П. А. и Н. А. Степановы. Известно, что все они рисовали М. И. Глинку.

Ныне портрет в числе других раритетов хранится в «Балакиревском обществе» г. Нижнего Новгорода и будет передан в музей «Дом М. А. Балакирева» при его создании.

Н. П. Бердникова
В. С. Колесников

Новое в биографии М. А. Балакирева

К 180-летию со дня рождения композитора

«Не будь Балакирева, судьбы русской музыки были бы совершенно другие»
В. В. Стасов

В биографии М. А. Балакирева до сих пор оставался не до конца ясным вопрос о фактическом запрете для композитора поступления в Казанский университет. Хотя, казалось бы, что Дворянский Александровский институт в Нижнем Новгороде, где учился Балакирев, был создан именно для подготовки детей дворян в университеты, нам кажется, что мы нашли ответ на это вопрос.

В 1847 году умерла мать Балакирева. Отцу надо было как-то позаботиться о детях. Двух дочерей он отдал в семьи родственникам, а Милия перевел из гимназии в Александровский институт на полный пансион (6 сентября 1849 года). Обучение в дворянских институтах было платным, но «недостаточных» дворян оплачивал Александровский банк. В перестроенном для этих целей доме полковника Н. Я. Латухина по Варварской улице и было создано закрытое сословное среднее учебное заведение.

По своему образовательному статусу институт полностью соответствовал уровню гимназии — обучение в нём также длилось 7 лет, изучались те же предметы. Седьмой класс был выпускным. Строгое воспитание подкреплялось высоким уровнем обучения. Обязательными учебными дисциплинами были: Закон Божий, русский язык, математика, древние языки — греческий и латинский, а также немецкий, французский языки, законоведение, философия, физика, история, география, природоведение, рисование, чистописание.

Ежедневно проводилось по шесть уроков. Учебный день был расписан по минутам: в 7.00 — подъем, молитвы, чай, с 7.45 до 8.30 — повторение уроков, с 9.00 до 14.00 — классные занятия, в 11.50 — горячий завтрак. После занятий в классах обучали пению, музыке, танцам. Для тех, кто постоянно проживал при институте (их называли пансионерами), был обед, потом два часа готовили уроки. После ужина — свободное время до 23.00.

Для учебы и отдыха в институте были созданы все условия. Всем ученикам выдавалась учебная и дополнительная литература, выписывались иллюстрированные художественные журналы. С 1848 года при институте функционировала обсерватория для метеорологических наблюдений. Во внеклассное время для младших групп устраивались вечера по интересам. Старшие воспитанники по заданиям учителей писали рефераты по литературе, истории, географии, психологии. После многочасовых занятий воспитанники посещали театр, музеи, выставки, совершали прогулки. Во время многочисленных поездок за город они вели дневники, делали зарисовки, собирали материал для гербария.

В 4-м классе, куда был переведен Милий, соответственно гимназическому курсу преподавались алгебра и геометрия, естественная история, Закон Божий, латинский язык, французский язык, правоведение, немецкий язык, география, история, русская словесность, церковнославянский язык. В журналах того времени оценки по успеваемости по учебному предмету выставлялись своеобразно: так была оценка «от учителя» и рядом ставилась оценка «по испытаниям». Третья оценка ставилась в графу «общий вывод», кроме этого, оценивались способности, прилежание и поведение учащегося.

Здание Дворянского Александровского института

Примерно так шла учеба и в следующих классах: хорошо и отлично по предметам, которые его интересовали, и не очень хорошо и даже удовлетворительно — по другим. В частности, по латыни на протяжении всех лет пребывания в институте была оценка «3». По другим языкам — то «5», то «4». И это при его исключительной памяти.

В институте Милия Балакирева, как музыканта, привлекают к официальным мероприятиям. Так в программе торжественного собрания 19 июля 1851 года указывается его выступление: «Воспитанники Балакирев и Румянцев будут играть Рондо Черни… Воспитанник Балакирев будет играть концерт Вебера».

Один из выпускников института — Александр Александрович Демидов, родственник жены крупного композитора и друга Балакирева Сергея Михайловича Ляпунова, вспоминал: «Когда я поступил в институт мальчиком 10 лет, то застал Балакирева уже в последних двух старших классах; с раннего возраста у Балакирева было необыкновенно доброе сердце; со всеми воспитанниками он был всегда ласков, чем отличался от других мальчиков».

В ту пору особое значение приобрели «литературные беседы», введенные с целью развивать в учащихся самостоятельную мысль, способность критики и анализа. Со всеми работами знакомился сам попечитель Казанского учебного округа. В 1851–1853 годы им был адъюнкт Казанского университета Николай Никитич Булич. В числе лучших он выделил сочинение М. А. Балакирева «Судьбы греческой музыки». «Автор, по-видимому, сам музыкант, — прозорливо отметил Булич в отзыве, — а потому от него можно бы было ожидать более внутреннего развития выбранного им предмета, например, хотя о характере нашей церковной музыки, которую он справедливо выводит из Византийской, особенно, в древнем ее виде, можно бы было сказать несколько более двух строк».

В Дворянском институте была традиция — к воспитанникам VII класса обращался директор института с предложением определиться, кто куда желает поступать по окончании курса, а если кто-то собирается в Университет, то на какой факультет и на чьём содержании. В ответ на письменный запрос лично ему от директора Александровского института 29 мая 1853 года, который спрашивал, куда собирается поступить Балакирев по окончании курса и на чей счёт, Милий дал следующий ответ: «Желаю поступить в Казанский университет по математическому факультету на свой счёт. Милий Балакирев».

По окончании Дворянского института Милий Алексеевич переезжает из Нижнего Новгорода в Казань, где поступает свободным слушателем в университет на физико-математический факультет. А почему не студентом?

Балакирев не стал претендовать на статус студента университета, так как знал, что не имеет на это права. Знание это основывалось на законах Российской Империи. Высочайше утвержденным Уставом Дворянского Александровского института 21 Марта 1849 года вводилось новое распределение уроков в гимназиях. В первом пункте Устава говорится, что «желающие продолжить обучение в университете обязаны приобрести … основательное знание латинского языка… А оценка

Воспитанники института

по латинскому языку в аттестате у Милия Балакирева была «3».

К этому добавлялись еще два более поздних закона. Так закон от 30 апреля 1849 года «Об ограничении числа студентов в университетах» сообщал, что «Государь Император Высочайше соизволяет, чтобы штат студентам в Университетах ограничен был числом 300 в каждом, с воспрещением приема студентов доколе наличное число не войдет в сей узаконенный размер. … Его Императорскому Величеству благоугодно, чтоб при будущих приемах в студенты избирать из кандидатов одних самых отличных по нравственному образованию». Иметь оценку отличную по нравственному образованию означало тогда иметь оценку «5» по поведению. А её-то как раз и не было у Милия Алексеевича. Как бы в подтверждение этого закона был издан и другой — от 26 января 1850 года: «О принятии в университеты преимущественно молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу». Главное в этом законе было то, что при поступлении в университет требовалось удостоверение в отличной нравственности. То есть опять должна была быть «5» по поведению.

Таким образом, совокупность факторов — последние два года «4» по поведению, плюс «3» по латинскому — делали невозможным зачисление Балакирева в качестве студента в Казанский университет. Товарищ по институту и по первому году обучения в Казанском университете, писатель П. Д. Боборыкин, признавал, что оценка «… четверка считалась плохим баллом в поведении».

Объяснение «стойкой» четверки по поведению даёт П. Д. Боборыкин в романе «В путь-дорогу!», где под именем Валериана Горшкова, как известно, выведен Балакирев: «Три приятеля, и среди них Валерьян Горшков, заступились за несправедливо наказанного соученика…» Вот так директор напутствовал фрондеров: «Вы, пакостники,

милые мои, депутации вздумали посылать. Вот у меня запоют депутаты […]. Я вас сегодня высеку — Слышите? А в поведении нуль поставлю, да и всем, голубчики, такие отметки будут кондуитные, что не только в студенты, в писаря не попадете». Товарищ Балакирева Н. Л. Заткевич в письме к нему коснулся этой истории: «От души благодарю за память обо мне, который так тебя всегда любил. П. (инспектор Позерн) скрепил нашу любовь 4-кой в поведении».

Других поводов для столь сурового решения директората института не видно.

Прошение Балакирева о допущении его в вольнослушатели датировано 3 сентября 1853 года, а 10 мая 1854 года он подал прошение на имя ректора Казанского университета о возвращении документов. Таким образом, он числился в университете меньше года.

Повлиял ли на дальнейшую жизнь М. А. Балакирева неприятный факт невозможности получения университетского образования? В смысле приобретения самостоятельно знаний — вряд ли. Все современники отмечают глубокие знания Балакирева в области истории, философии, религии, музыковедения, музыкальной композиции и др. В смысле общественного признания — человек без диплома о высшем образовании — так такого тоже не было. Вспомним хотя бы предложения занять должность профессора фортепиано в Петербургской консерватории или занять должность директора Московской консерватории. А вот отказ Балакирева от этих почетных должностей продиктован его высокими этическими соображениями и величайшей скромностью («учился на медные деньги»), недоступными многим современным деятелям культуры. «Балакирев — великий композитор и величайший из педагогов по композиции, которые существовали во все времена в истории музыки», — оценил его в наше время замечательный композитор С. М. Слонимский.

А. П. Анчиков, В. С. Колесников, С. С. Гун

По страницам летописи музыкальной жизни…

В 2018 году мы вспоминаем памятную дату — 110-летие со дня кончины выдающегося человека, чье творчество оставило яркий след в мировой музыкальной истории, — Николая Андреевича Римского-Корсакова. Солнечная, живописно-картинная, поистине русская музыка «Творца Садко и Марфы» (И. Северянин) до сих пор восхищает и продолжает радовать слушателей.

В. Серов. Портрет композитора Н. А. Римского-Корсакова

Удивительна судьба Николая Андреевича! Непредсказуемость поворотов его жизни можно ознаменовать известной евангельской мудростью — «Пути Господни неисповедимы». Действительно, остается загадкой — как, будучи потомственным морским офицером, музыкант-самоучка стал композитором, профессором Петербургской консерватории, которая теперь с гордостью носит его имя. Листая страницы «Летописи…» музыкальной жизни композитора, мы находим ответы на вопросы, в которых приоткрываются завесы тайн жизни Николая Андреевича.

Открыв первую страницу, видим, что Н. Римский-Корсаков был знаком с музыкой с детства, как полагалось в именитых дворянских семьях. Конечно, родители не относились к профессии музыканта серьезно, но, тем не менее, дома часто пелись романсы и звучал рояль. «Первые признаки музыкальных способностей сказались очень рано во мне. Еще мне не было двух лет, как я уже хорошо различал все мелодии, которые мне пела мать; затем трех или четырех лет я отлично бил в игрушечный барабан в такт, когда отец играл на фортепиано», — вспоминал Николай Андреевич. «Музыку я не особенно любил, или хотя и любил, но она почти никогда не делала на меня сильного впечатления. Но ради игры, ради обезьянничанья, совершенно в том же роде, как я складывал и разбирал часы, я пробовал иной раз сочинять музыку и писать ноты. Мне было лет одиннадцать, когда я задумал сочинить дуэт для голосов с аккомпане-

ментом фортепиано. А родители мои смотрели на все это как на простую шалость, игру. Сделаться же музыкантом я никогда не мечтал, учился музыке не особенно прилежно, и меня пленяла мысль быть моряком».

И вот он первый жизненный поворот, который, казалось бы, шел по плану. По семейной традиции в возрасте двенадцати лет Николай оставляет родной Тихвин и отправляется в Морской кадетский корпус. Именно здесь, в Санкт-Петербурге, начинается самое неожиданное: юноша посещает все оперные премьеры и увлеченно занимается игрой на фортепиано у пианиста Канилле — музыка становится важнейшей частью его жизни. В автобиографической «Летописи» жизни композитора читаем: «Я был 16-летний ребёнок, страстно любивший музыку и игравший в неё. "Жизнь за царя" привела меня в совершенный восторг; однако я мало что запомнил, но знаю, что, кроме чисто певучих мест — "Не томи, родимый", "Ты придешь, моя заря", мое внимание привлекли увертюра и оркестровое вступление к хору ("Мы на работу в лес"). У Головиных были ноты из "Руслана" — "Чудный сон", "Любви роскошная звезда" и «О, поле», которые я нашел и сыграл. Эти отрывки из незнакомой мне оперы понравились мне ужасно и заинтересовали меня в высшей степени; на них я, кажется, в первый раз ощутил непосредственную красоту гармонии».

Новой мечте юного дарования — стать композитором — суждено было сбыться. Судьба не воспротивилась музыкальным дерзаниям Римского-Корсакова и преподнесла ему еще один сюрприз — знакомство с кружком талантливых музыкантов, горящих идеей создания русской композиторской школы. Свои первые впечатления о «Могучей кучке» Николай Андреевич описывал так: «Однажды Канилле, мой музыкальный педагог, пришел ко мне на неделе в Морской корпус и объявил, что в субботу он поведет меня к Балакиреву. Я сразу погрузился в какой-то новый, неведомый мне мир, очутившись среди настоящих, талантливых музыкантов. Каждую субботу вечером я бывал у Балакирева, часто встречаясь там с Мусоргским и Кюи. Если Балакирев полюбил меня как сына и ученика, то я был просто влюблен в него! Его суждения были для меня безусловной истиной».

Вдохновленный идеями М. Балакирева, самый молодой участник «Могучей кучки» — семнадцатилетний Н. Римский-Корсаков сочинил свою Первую симфонию, в которой продолжил путь картинного эпического симфонизма Глинки.

В 1862 году учеба в Морском корпусе подошла к концу, и юному гардемарину предстояло отправиться в трехлетнее кругосветное путешествие. Он вспоминал: «Плавание мое долженствовало совершиться на клипере "Алмаз" под командой Зеленого. Разлука с Балакиревым и другими музыкальными друзьями и полное отлучение от музыки. Не хотелось мне за границу. Сойдясь с балакиревским кружком, я стал мечтать о музыкальной дороге; я был ободрен и направлен кружком на эту дорогу. В то время я уже действительно страстно любил музыку».

Морские путешествия, оставив неизгладимый след в душе композитора, впервые обрели музыкальное воплощение. Обладая цветным слухом, все сочинения, связанные с морем, он писал в «синих» тональностях E, Es, e (иногда As — в «Садко). Современники восхищались его живописными симфоническими картинами «Шехерезада», «Садко» и называли Николая Андреевича музыкальным «маринистом».

Так, море указало Н. Римскому-Корсакову его музыкальный путь, который оказался долгим и плодотворным. За сорок лет он сочинил 15 опер, (каждая — шедевр и открытие нового жанра), стал создателем эпической симфонии; множества камерно-инструментальных произведений, хоров, кантат, романсов. И главное место в них занимает эпическая русская тема. «В сущности, мой род — это сказка, былина и непременно русские. Я прислушивался к голосам природы и народной музыки и брал напетое и подсказанное ими в основу своего творчества», — говорил композитор.

Судьбоносной стала встреча двух гениев — Н. Римского-Корсакова и М. Мусоргского, обогатив музыкальную жизнь обоих композиторов. В результате этой дружбы у Николая Андреевича появились исторические полотна: Мусоргский вдохновил его на создание «Псковитянки» и помогал в написании хоров для нее. Довольно сложно развивались их личные отношения, — со стороны Николая Андреевича очевидно искреннее восхищение гением Мусоргского, и одновременно — отчуждение и даже пренебрежение к «болезни» Модеста. И все же благодаря редакциям Н. А. Римского-Корсакова сочинения Мусоргского увидели жизнь, он дал им возможность сценического воплощения. После смерти Мусоргского Николай Андреевич завершил, отредактировал и оркестровал «Хованщину», осуществил свою редакцию и инструментовку «Бориса Годунова», сделал свободную обработку и оркестровую редакцию «Ночи на Лысой горе», а также подготовил к изданию рукопись оперы «Женитьба» и камерно-вокальные произведения.

И снова жизненный парадокс — вскоре после открытия первой русской консерватории в

Санкт-Петербурге в ее стенах появился молодой профессор двадцати восьми лет — Н. А. Римский-Корсаков. Никому не могло прийти в голову, что он станет композитором, почти не имея музыкальной подготовки. Однако судьба уготовала ему 30 лет неустанной педагогической деятельности — в этом он повторил путь своего учителя М. Балакирева, став главным наставником для целой плеяды выдающихся композиторов, которым он передал традиции «кучкистов» — основы создания русской музыкальной классики. В своем творчестве Н. А. Римский-Корсаков связал век XIX и XX: идеи демократизма, реализма, народности подхватили ученики — Стравинский, Глазунов, Лядов, Мясковский, Прокофьев, Асафьев и многие другие вспоминали его излюбленный «лейтмотив»: «надо поучиться, пытаться "переделывать себя", стремясь обрести твердую выучку».

Высшей принципиальностью и правдивостью отмечена жизнь, творчество, музыкально-общественная деятельность Римского-Корсакова. Ведь не случайно он закончил свои воспоминания знаменательными словами: «Летопись моей музыкальной жизни доведена до конца. Она беспорядочна, не везде одинаково подробна, написана дурным слогом, часто даже весьма суха; зато в ней одна лишь правда».

Анна Царева

«Пение — это огонь души»

Понимание масштаба личности и адекватная оценка величины потери, как правило, происходит спустя некоторое время после ухода человека. Как известно, «большое видится на расстоянии». Но порой на Земле появляются люди, которые способны озарить жизнь целых поколений, для многих быть путеводной звездой, примером настоящей, а не придуманной жизни, опорой в минуту сомнений.

Не так много дней прошло со дня смерти великого русского певца Дмитрия Александровича Хворостовского, но для всех его поклонников, музыкантов, певцов, — для многих тысяч людей эти несколько дней воспринимаются иначе, и мир в целом, и мир музыки для них уже никогда не будет прежним. Безвременность утраты только лишь подчеркивает величие Личности ушедшего певца.

Мое самое первое музыкальное впечатление, осознанное и запечатленное в памяти, связано именно с Д. Хворостовским — концерт на сцене Большого зала Московской консерватории: он поет русскую народную песню «Ноченька». Казалось бы, что можно понять в три года, но отчетливо помнится невероятная притягательность, и совершенное сочетание звучащего голоса, внешности и глубинного проникновения в смысл. Это осталось навсегда в душе, и, вероятно, стало одной из определяющих жизненных встреч. Думается, что встреча с Д. Хворостовским многим открыла мир музыки.

Он привлекал и своей внешностью, эта невероятно ему идущая ранняя седина, и своим поведением статного, уверенного в себе человека. Блестящая физическая форма Д. Хворостовского как нельзя лучше опровергала необходимость лишних килограммов для создания пресловутой «певческой опоры».

Пройдя суровую школу в классе известного педагога Е. К. Иофель (в 60-е годы она преподавала в Горьковской консерватории) в Красноярске, он

Дмитрий Хворостовский

достаточно быстро стал известен в России и за рубежом. Великая И. К. Архипова поддержала молодого певца, отправив его на Международный конкурс вокалистов в Кардиффе, и он стал настоящим открытием для европейских любителей оперы. То, о чем мечтает каждый молодой певец, — блестящие выступления в лучших театрах Европы, а затем и всего мира, работа с ведущими режиссерами и дирижерами, в ансамбле с замечательными певцами: все это стало для Д. Хворостовского повседневной реальностью. Но часто забывают о том, что большая часть певцов на этом «ломается», потому что каждый раз, выходя на сцену, ему, молодому и неопытному, надо доказать собственную состоятельность и профессионализм и при этом убедить в возможности сделать еще лучше. Д. Хворостовский выдержал это испытание, по праву, встав в один ряд с легендами оперы.

Можно сломать немало «копий», рассуждая о его манере пения, безусловно, индивидуальной,

но нельзя не отметить постоянного поиска. Каждому внимательному слушателю заметны изменения, особенно ярко проявившиеся на рубеже двухтысячных годов.

Но так ли интересны эти споры? Настоящим творцом становится тот, кто способен полностью подчинить исходный материал своим намерениям: художник — краски, скульптор — камень или глину, музыкант — инструмент, певец — голос. Пение Д. Хворостовского всегда монолитно, целостно и в нем невозможно отделить собственно вокал от образа, от смысла, от музыки. Именно образная определенность является одной из важнейших характеристик творчества певца, когда каждый звук напоен смыслом, когда даже пауза звучит и дышит мыслью. Пение Д. Хворостовского всегда живое, дышащее свободой выражения и в тоже время точное и словно высеченное в камне. Настоящее наслаждение слышать, как он формирует фразу, выстраивает динамическое развитие, подготавливает модуляцию или отклонение в гармонии.

Диапазон творчества певца был невероятно широк. Сдержанный аристократ с богатым внутренним миром князь Елецкий, порывистый и горячий Родриго, маркиз ди Поза, зловещий Демон — энергии Д. Хворостовского хватало на все самые разнообразные персонажи баритонового ряда. И всегда это было исполнение на высочайшем эмоциональном градусе, действительно, словно последний раз в жизни — полностью, без остатка. И вместе с тем, он тонкий лирик, проникновенный исполнитель романса, которому подвластны самые тайные движения души. Особняком стоит исполнение Д. Хворостовским песен советских композиторов. Он стал одним из немногих музыкантов, который рискнул озвучить их в максимально аутентичном варианте, и сумел влюбить в них новое поколение людей.

Можно много и долго перечислять победы Д. Хворостовского и при этом никто никогда не узнает цены этих побед, но судьба преподнесла ему еще удар… Удар, от которого он так и не смог оправиться, но который его не победил. Он ушел непобежденным…

Музыкальный мир растет и развивается, сменяются поколения исполнителей и слушателей, на горизонте появляются новые яркие дарования, но голос Дмитрия Хворостовского звучит и еще многие годы будет звучать. Ведь «… голос умирает после нас!» (Фернандо де Лючиа).

Андрей Куклев

Дмитрий Хворостовский: «Ни за кем не бегал, ни у кого ничего не просил»

Это интервью Дмитрий Хворостовский давал по телефону из Лондона. Оно было напечатано в журнале «Театральный Петербург» в 2008 году в один из приездов певца перед концертом в одном из его любимых городов. Свои концерты он давал в Петербурге чаще в Большом концертном зале «Октябрьский», но, разумеется, были выступления и в Большом зале филармонии, и в Концертном зале Мариинского театра. А в год своего 50-летия он дал грандиозный концерт со своими звездными коллегами в многотысячном Ледовом дворце.

— За эти двадцать лет, что живете не в России, Вы изменились?

— Да, но иначе и не могло быть. Я не только расту-взрослею, но и многое приобретаю от того, чем и как жил. Все это влияет на мой характер, мироощущение. Я, конечно, уже совсем не тот человек, который жил тогда в России.

— Когда Вы возвращаетесь, что кажется Вам неизменным здесь с тех пор, как Вы отсюда уехали?

— Очень многое. Например, публика в концертных залах — она здесь до сих пор остается самой чуткой. Поскольку для большей части русских людей музыка, в частности, классическая музыка, остается частью жизни — не развлечением и фоном, приносящим легкое одурманивание как вино. Ведь на концертах классической музыки совсем необязательно только отдыхать — нужно думать и страдать. Восприятие концерта можно считать настоящей работой — ума, сердца. К этому не каждый готов или этого хочет. Многие американцы, например, совершенно серьезно считают, что между классикой и поп-музыкой разницы нет, что все одно — развлечение. Перед русскими, как правило, петь тяжелее, но приятнее и почетнее. Но вот что касается русского языка, то сюда проникло много слов-паразитов с запада.

— Испытываете ностальгию?

— Да, вот сегодня, например, я попросил купить «Докторской» колбасы в недавно открывшемся русском магазине. Конечно, какие-то ностальгические чувства есть. Русскому человеку вообще свойственно всегда тосковать по родине. Столько лет прошло с тех пор, как я не живу в

России, как я переехал. Хотя я достаточно часто бываю в России — во всяком случае, не реже, чем в Нью-Йорке, если не чаще.

— Какое деловое предложение заставило Вас не на шутку задуматься?

— Предложение исполнить партию Бориса Годунова. Оно было сделано в связи с работой над фильмом-оперой, но пока повисло в воздухе. Я бы очень хотел подготовить такую роль. На оперной сцене я, наверно, никогда не смогу исполнить эту партию, да и не нужно: она написана для баса, а я баритон. Но сама роль кажется мне очень интересной. А мною движет желание попробовать себя в разных амплуа. Позитивный опыт участия в фильме-опере «Дон Жуан без маски» у меня был в 1999 году, где я сыграл и Дон Жуана, и Лепорелло.

— А сняться в «неоперном» кино предлагали?

— Несколько предложений обсуждалось. Но я очень занятый человек, а для съемок в кино нужно освободить 2-3 месяца, чего в данный момент я не могу себе позволить. Да и, честно говоря, очень заманчивых предложений, ради которых можно было бы все бросить, не было.

— Какой репертуар у Вас сейчас в активе?

— Перечислить все, что пою, я вряд ли сумею. В основном, приходится исполнять много партий в операх Верди. А вот, например, партия Евгения Онегина в Чикаго — в постановке Метрополитен Опера, где мы пели вместе с Рене Флеминг и Валерием Гергиевым в последний раз. С тех пор я не пою партию Онегина и вряд ли буду петь.

— Почему???

— Наверно, потому что напелся. Может, лет через двадцать я исполню его снова. Сейчас голова занята другим репертуаром. Мне интересно петь вещи более вызывающие, в частности, Симона Бокканегру, Яго, Риголетто. Следующая моя работа — опера «Эрнани» Верди, безумно сложная и очень интересная. Кроме того, случаются и репертуарные «броски». Буквально перед вашим звонком я разговаривал по телефону с Игорем Крутым, с которым мы делаем очень интересную программу. Нам осталось записать еще несколько песен, которые, в частности, для меня будут как разорвавшаяся бомба.

— Это что-то эстрадное?

— С одной стороны, абсолютно эстрадное. С другой, — я там не то что не меняюсь, но все же остаюсь самим собой — со своим голосом, кантиленой, фразировкой, знанием иностранных языков и прочими отличительными чертами. Той работой, которую мы уже проделали, я очень доволен и с большим нетерпением жду концертов, гастрольных туров, записи фильмов и так далее.

Последний концерт Дмитрия Хворостовского в Красноярске

— Многим оперным певцам хотелось бы исполнять репертуар неоперной территории, куда они не рискуют заходить, чтобы не потерять место в опере. Для этой смелости нужно завоевать имя?

— Нет, дело вовсе не в завоевании имени. Такая музыка требует особого подхода, особого таланта и определенных навыков. Многие пробовали, но не у всех получается.

— Если бы не оперная карьера, то какая могла бы быть?

— Никакой другой карьеры я не представляю. У меня с детства не было выбора. Как в семь лет меня отдали в музыкальную школу, так я и тяну эту лямку. Сначала учился на пианино, потом поступил в дирижерско-хоровое училище, где начал петь соло. В общеобразовательной школе я учился не слишком хорошо. Кроме интереса к музыке был замечен еще интерес к скульптуре. Отец даже сфотографировал мои поделки, которые я, скульптор-анималист, создавал в семь лет. Эти снимки он отнес директору художественной школы, который как будто и не возражал против того, чтобы принять меня туда учиться. Но интонация, с которой директор сказал об этом, моего отца не устроила. И он отвел меня в музыкальную школу. И правильно сделал. Я едва ли не с пеленок пел. У меня был обнаружен музыкальный слух и хорошенький голос.

— Что бы Вы ответили на вопрос молодых певцов: «как стать оперной звездой»?

— Все — с детства. Лет в 14-15 я пел в рок-группах, увлекался рок-музыкой в Красноярске. Хотя и тогда уже любил оперную музыку. Позже, лет в шестнадцать, как только попробовал спеть по-настоящему, я понял, что это — мое призвание. И когда почувствовал, что смогу, что мой голос растет, я отдал все свое время и мысли этой профес-

сии. В оперном театре я начал петь, начиная со второго курса консерватории.

— Международная карьера — момент встречи с нужным человеком?

— Многие молодые люди меня спрашивают о том, что нужно сделать, а я не знаю, что им ответить. У меня все получилось своим ходом, честным путем. Я побеждал на всех вокальных конкурсах, в которых участвовал. Ни за кем не бегал, ни у кого ничего не просил, ни на чем не настаивал. Я даже особо не волновался, просто, когда наступал момент выходить на сцену, — я выходил и чувствовал себя королем. Решающим конкурсом стал, конечно, конкурс в Кардиффе, который транслировался по BBC. В тот же день обо мне узнали не только в Англии, но и в Европе, и в мире.

— Какое место занимает сегодня опера в мире среди прочих искусств?

— Мне кажется, отношение к опере не меняется с годами. Как был интерес к этому жанру уделом привилегированного общества, так и остается. Чтобы оперу любить, ее нужно хорошо знать, каким-то образом ей увлекаться. Как говорит мой почитаемый друг Андрон Кончаловский, «опера — это музейный жанр», то есть законсервированный. С конца XIX — начала XX века не было написано ничего более-менее адекватно конгениального Чайковскому, Верди, Вагнеру. Опера продолжает существовать как уникальный синтетический театральный жанр, вобравший в себя уже практически все существующие театральные и нетеатральные жанры. За счет этого она продолжает быть интересной. Поэтому у оперы есть определенная перспектива.

Владимир Дудин

Фото: Владимир Корецкий

Памяти друга

Александр Иванович Мутузкин — профессиональный музыкант, кларнетист, педагог, с которым меня объединяла теплая, нежная дружба.

Мы познакомились в далеком 1989 году. В то время я работала концертмейстером на кафедре деревянных духовых инструментов в классе кларнета. Меня попросили помочь музыканту из Казани сыграть на прослушивании в группу кларнетов симфонического оркестра Нижегородского оперного театра. Так состоялось наше знакомство и первое совместное выступление. На прослушивании мы играли «Балладу» Перминова. Я сразу поняла, с каким музыкантом встретилась. Александр Иванович прекрасно владел инструментом: красивое, сочное, бархатное форте, нежное, мягкое пиано, великолепная техника позволяли ему безукоризненно передавать стиль, характер и содержание любого произведения.

Когда Александр Иванович пришел работать педагогом на кафедру деревянных духовых инструментов нашей консерватории, я стала работать концертмейстером в его классе. Каждому своему студенту он отдавал частичку своего сердца и души. Александр Иванович был для них не только великолепным педагогом, но и близким, родным человеком, с которым можно поговорить на любую тему и получить, в случае необходимости, добрый совет. Он учил студентов не только игре на кларнете. Он учил их разбираться в разных сферах искусства, будь то музыка, театр, живопись, литература. Он учил их жизни.

Как трудно писать о близком, родном человеке в прошедшем времени. Я верю, что студенты, прошедшие школу А. И. Мутузкина, никогда не забудут его уроки и его наставления. Для меня годы, проведенные в его классе, навсегда останутся в памяти. Судьба подарила мне встречу с прекрасным человеком, и я благодарна ей за это. Александр Иванович был, есть и будет рядом со мной. Светлая ему память.

Е. В. Паранина

Ю. С. Грошева, А. И. Мутузкин и Е. В. Паранина с учениками

Невосполнимая утрата…

Мое знакомство с А. М. Седовым состоялось в далёком 1976 году. Будучи студентом Нижегородского музыкального училища им. М. А. Балакирева, я попробовал себя и в качестве баса, и в качестве драматического тенора, и только встреча в ННГК им. М. И. Глинки с Седовым перевернула мою жизнь как певца. Он четко определил мой тип голоса — лирический баритон — с тех пор мой творческий путь был предопределён. Тонкая и скрупулезная работа в его классе заложила крепкий фундамент для дальнейшей карьеры в качестве ведущего солиста Нижегородского государственного театра оперы и балета им. А. С. Пушкина.

Уже после окончания консерватории Андрей Михайлович пристально следил за моими спектаклями и всегда был для меня самым строгим критиком, мнение которого было самым ценным и дорогим для молодого начинающего певца.

За 40 лет педагогической деятельности А. М. Седов вырастил целую плеяду певцов, которым удалось покорить лучшие оперные площадки. Невосполнимой утратой для всего музыкального мира стал его уход.

Д. А. Суханов
главный режиссер Нижегородского академического театра оперы и балета им. А. С. Пушкина

О светлом…

Ушел учитель. Учитель остался. Ушел, чтобы осуществилась преемственность, чтобы дары расцвели и дали новую завязь. Остался — в сердцах и душах учеников, коллег, друзей; учеников, ставших коллегами, коллег, ставших друзьями.

А. М. Седов

Андрей Михайлович Седов прожил долгую плодотворную жизнь: десятки воплощенных на оперных сценах образов, сотни (!) учеников по всей России, по всему миру. Он много знал и умел, потому учил. Учил музыке и пению как высшему и прекраснейшему из ее проявлений, учил действенной любви к ним, которой сам был наполнен до краев. Был щедр, потому много помогал. Обычно — активно протежируя, направляя, наставляя; реже, но не менее действенно, — взглядом или несколькими словами указывая «сильным» мира музыки на избранного или нуждающегося. Думается, отсюда его нелюбовь к частице «как бы» — всегда настойчиво изымал ее из своей и, по возможности, чужой речи, потому что не признавал невнятного, неубедительного, уклончивого.

Он был дисциплинированным человеком, и, наверное, сильно уставал. Кто-то сказал, что усталость — это побочное действие дисциплины, которая в основе — неусыпная добровольная готовность к жизни, к ее ласкам и жестокости, к ее непредсказуемости. Кажется, понятно, что быть готовым к радости можно лишь действенно, то есть ответно отдавая. Но как понять готовность к жизни, как ей довериться, когда она не щадит, унижая, забирая и лишая, исторгая из себя одного за другим друзей-соратников и детей-учеников (лучших!). Наверное, здесь и поджидает усталость. Только вот она не проста, она — таинственная территория, где есть свои солнце и луна, вечера и утра, и где искаженное болью и обидой неожиданно отпускает, преображаясь в ясную улыбку мудрости. Кто не был добр, этого не испытает. Он был добр.

Возможна ли помощь в мастерстве? Сколько бы рук ни месило глины, ступени мастер складывает один. Восхождение одного рождает путь, и можно ли его разделить на куски для достойных и не слишком. Таких путей не так много, но ходя по ним, мы узнаем — вспоминаем — себя истинных. На этих путях мы обретаем силы и учимся самозабвению.

Он любил русскую музыку, русскую песню. Знал ее и чтил, как чтят родину, вслушивался в нее, а через нее — в мир. Он горячо отстаивал право ее первородства, не отвергая связей с культурами иных народов. В его рассказах и воспоминаниях оживали, обретая плоть, легендарные имена русской советской певческой школы, — сейчас понимаешь это по-настоящему — многие из них были ему равны по масштабу.

Шестьдесят три года непрестанного служения музыке в качестве певца и педагога — это сотворенные им быль и прижизненная легенда! И еще — открытая рукой Учителя дверь в мир прекрасного и родного для многих нынешних и многих будущих жаждущих.

На нас, его учениках, возлегла ответственность — не остаться простыми наблюдателями, не отстраниться, не утратить связи. Мы обрели свои голоса, мы твердо стоим на ногах. Но ноги даны, чтобы идти, и, благодаря ушедшим, мы научились не только ходить, но и видеть, чувствовать, куда и зачем идти. Наша цель настолько же прекрасна, насколько вечна.

Светлого пути Вам, Учитель!

Л. Е. Рубинская

Златые венцы Веры Суриковой

Верочка... Вера... Вера Спиридоновна... Как по-разному мы ее называли! А еще она Эболи, Любаша, Полина, Розина, Кончаковна, Ольга, Кармен, Прециозилла, Адальжиза, Азучена, Амнерис...

Две с половиной октавы певческого диапазона, роскошный тембр меццо-сопрано, необыкновенная музыкальность, фантастическое трудолюбие, великолепная вокальная школа, яркий темперамент и до последнего вздоха преданность театру и своей профессии!

В. Сурикова

Весьма редки случаи, когда в одном лице мы имеем хорошую певицу, хорошую актрису и прекрасную женщину. Вера Сурикова была одной из таких певиц. Это Эпоха, Личность, Мастер.

Вера училась в Свердловской государственной консерватории. Педагоги выделили ее сразу. Она привлекла их интерес необыкновенной музыкальностью, трудолюбием, дарованными природой способностями. Ей всегда аплодировали студенты-вокалисты, а они — самые строгие и неподкупные зрители консерваторских концертов и учебных выступлений. После окончания консерватории красивую и способную выпускницу пригласили в один из ведущих советских музыкальных театров — Свердловский театр оперы и балета. Каждая партия, сделанная на этой сцене, стала открытием для певицы и для зрителей, осталась незабываемой страницей ее творческой биографии! А затем был краткий период работы в Воронежском театре оперы и балета, и в Государственном оперном театре Молдавии (Кишинев), где она работала в паре с «лучшей Чио-Чио-сан мира» М. Биешу. И, наконец— Горьковский театр, которому она отдала более 20-ти лет своей яркой жизни.

Много лет все мы, меццо-сопрано, жили в одной гримерке. И все годы с неиссякаемым восхищением и почтением наблюдали, как работает Вера Спиридоновна. С какой огромной ответственностью она относится к своей профессии и творчеству. На репетиции она приходила как на торжество, праздник — всегда безукоризненно одетая, обязательно в красивых туфельках, с бижутерией. Предельно собранная, она всегда неукоснительно распевалась, настраивалась на репетицию и шла на сцену. И всегда работала с вдохновением и на эмоциональном подъеме, поражая высокой культурой и вкусом сделанных партий. Она поистине вердиевская певица — Эболи, Амнерис, Азучена, Ульрика, Маддалена, Прециозилла... Каждая роль была глубинно ею прочувствована и сделана от первой до последней ноты.

В. Сурикова в роли Княгини (опера «Чародейка» П. И. Чайковского)

Любаша, Кончаковна, Княгиня, Любовь... Волевые, сильные натуры, страстные, но и нежные одновременно. И в полной мере певица раскрыла в каждом образе все грани этих ярких героинь.

Перед спектаклем она уже была предельно сконцентрирована, немногословна, уже «нездешняя», полностью погруженная в образ. Расслабиться позволяла себе только после спектакля.

Последняя наша совместная работа была в мюзикле Э. Фертельмейстера «Красавец мужчина», где Вера Спиридоновна исполняла роль Аполлинарии. Мы были просто потрясены, когда она буквально на вторую репетицию уже знала полностью текст роли, точно набросала характер своей героини и мгновенно запомнила все указания режиссера!

Эту роль она так и не успела сыграть...

Глубоко запали в душу ее последние слова: «Девочки, запомните, у Женщины нет возраста, она прекрасна ВСЕГДА!»

«Гляди, вон там, над головой, простерлось небо, как шатер! Гляди, вон там, что злат венец, есть облачко высоко...» — поет Марфа в финале «Царской невесты».

Златые венцы героинь Веры Суриковой, ее Талант, мастерство, легкая облачная душа навсегда останутся в нашей памяти.

Т. Ю. Гарькушова

На одной волне. Ни дня без Марины

М. Ю. Метелева

«Я твое повторяю имя
По ночам во тьме молчаливой,
Когда собираются звезды
К лунному водопою,
И смутные листья дремлют,
Свесившись над тропою».

Федерико Гарсиа Лорка

Ноябрь 2015 года. Чебоксары. Международный оперный фестиваль имени народного артиста СССР Максима Дормидонтовича Михайлова. Я, заведующая литературной частью Чувашского театра оперы и балета, по привычке бегу за кулисы, чтобы согласовать с приглашенными солистами порядок номеров для концертной программки. Несмотря на то, что сейчас — последний месяц осени, на сцене жарко, как летом. Оркестранты торопливо отмечают в партиях репризы и купюры, дирижер энергично машет палочкой и параллельно что-то объясняет певцам, художники выставляют свет, как вдруг... Внезапно вспыхнувшее око софита вырывает из закулисного полумрака знакомую фигуру.

Прямо передо мной, грациозно прислонившись к кулисе, стоит... Марина Юрьевна! «Не может быть, не может быть», — обескуражено шепчет мой внутренний голос. Да нет же, точно она! Изящная, несмотря на некоторую полноту, шея, мягкая округлость плеч, великолепное платье, подобранное со вкусом европейского модельера, выразительный профиль с броской линией носа и ослепительной улыбкой, «закатившейся» в уголки губ... Только потом я поняла, что это — ведущая предстоящего вечера Марианна Галанина. Марианна! Почти Марина... В растерянности возвращаюсь домой, перелистываю свой дневник и нахожу в нем запись:

26 июня 2014 года

«...Подходит к концу мой первый театральный сезон. Театральный... Так, как я всегда мечтала и как Вы мне всегда желали. Спасибо Вам! Я думаю о Вас, и это мне удивительно помогает. Я знаю, что Вы меня слышите всякий раз, как только я вспоминаю о Вас. Ведь Вы — та самая муза, которая сидит у меня на плече, когда я пишу рецензию глубокой ночью...»

Проносятся годы, а я до сих пор слышу ее «Машенька, вот в этом месте надо бы еще подумать». Чувствую запах ее духов. Помню ее наряды, макияж, украшения и сумочки. Да-да, она умела выглядеть сногсшибательно, и до последнего дня в ее облике, достойном обложки глянцевого журнала, невозможно было разглядеть ни малейшей тени болезни. Ощущаю теплоту ее объятий на первом после каникул уроке... Надо сказать, что в жизни мне вообще очень повезло с учителями. И в школе, и в музыкальном училище, и в консерватории я попадала «в руки» только самых талантливых и чутких педагогов, и о каждом могла бы написать целое эссе. Но только не о Марине Юрьевне. Подобные ей «не укладываются» в слова и абзацы.

18 марта 2013 года

«...Я очень часто думаю о ней. Вспоминаю, что она нам рассказывала и советовала посмотреть, так ненавязчиво, словно "между прочим" и в то же время заразительно. Она каким-то лишь ей известным способом умела вести нас вперед с легкостью. Вспоминаю... Конечно же, это ее любимый спектакль "Угольный бассейн", поставленный в технике вербатим в Кемеровском театре "Ложа". Удивительная вещь! Чувствую себя на один маленький шажочек ближе к искусству, а, значит, ближе к ней...»

Иногда мне казалось, что она — волшебница. А иначе как объяснить тот факт, что за час, всего лишь час общения с ней черно-белый мир вдруг становился цветным? Бывало, прихожу к ней невыспавшаяся, «под грузом» предстоящих семинаров и музыкальных викторин, и вечно ни на что не хватает времени... А выхожу, нет, вылетаю из класса с крыльями за спиной! Щеки горят, в голове уже одна за другой вспыхивают новые задумки, зреют планы. Я спешу в общежитие творить дальше и очень боюсь случайно забыть по пути хотя бы один из ее бесценных советов.

16 ноября 2012 года

«...Она не была одной из, она была той самой. Неиссякаемое, словно захлестывающее волной обаяние, бесконечность мысли, бездонность души, фантазия феи. Быть может, она носила с собой в сумке волшебную палочку?.. И мы сияли, когда были рядом с ней. Наверное, попадали под мерцание ее лучей, заряжаясь энергией солнца. Рядом с ней нам было всегда тепло...»

А чего стоили совместные походы в театр и посиделки за чашкой чая! Помнится, в одну из суббот она испекла дома шарлотку и устроила для нас невероятный урок-чаепитие, посвященный наступлению осени. И вот мы сидим в классе, читаем стихи, вдыхаем терпкий запах сухих листьев, разложенных на столах, и держим в ладонях ее еще горячий пирог. Смеемся и говорим, говорим, говорим обо всем подряд: о своих последних впечатлениях, о ближайших встречах. «Дорогие мои, напоминаю, что впереди у нас — просмотр мюзикла "Здравствуйте, я ваша тетя" в Камерном музыкальном театре. Очень советую приехать в Сормово пораньше и до спектакля прогуляться по осеннему скверику перед Домом культуры. Порция вдохновения вам обеспечена!» — звучит в памяти ее ласковый голос.

4 ноября 2015 года

«...Марина Юрьевна, совсем не замечаю, как даю Ваши советы своим коллегам. По-моему, это очень хорошо. Получается, что Ваша звездочка из того сорта звезд, которые никогда не падают. Они светят, и светят, и светят. А еще Вы говорили такими чудными "наставлениями", которые я совсем не запомнила. Но весь Ваш талант и был в том, чтобы не вешать скупые педагогические "груши", а учить действовать, чувствуя. Вы даже не представляете, насколько точный и удачный это был расчет...»

К слову, расчет был действительно точным и удачным. Например, спустя годы, я узнала о театральном художнике, режиссере и педагоге Дмитрии Крымове, который известен тем, что не просто обучает своих студентов-художников их непосредственной профессии, а ставит с ними настоящие драматические спектакли. Таким образом, каждый из них получает возможность взглянуть на постановочный процесс с непривычного ракурса, побывав «в шкуре» актера, и начинает лучше понимать работу театрального механизма. Где-то я уже это видела... Эврика! Декабрь 2009 года, наш спектакль-экзамен о безумном дне в редакции, заставивший нас с девчонками почувствовать себя не только журналистами, но и актерами, о которых мы пишем!

Мария Митина, М. Ю. Метелева, Татьяна Осипова

4 октября 2014 года

«...Сегодня, пока шла на концерт в филармонию, почему-то вспомнила, как спешила к Вам на уроки. В Вашей жизни нас было много, но Вы ждали каждого. С нетерпением, беспокойством и желанием. Как будто все мы были неповторимы. Спасибо за эту веру. Ведь под крылом Вашего теплого слова нам действительно не было равных...»

Мне, в свою очередь, не терпелось поделиться с ней своими первыми успехами. «Здравствуйте, дорогая Марина Юрьевна! Как Ваши дела? В журнале "ЛИК Чувашии" в начале сентября должны выйти две моих новых рецензии на чебоксарские спектакли!» — нахожу в своем электронном ящике письмо к ней от 13 августа 2011 года. Она же шлет в ответ свои щедрые поздравления и... передает привет моей маме, которую ни разу не видела!

А вот еще одна наша переписка, датированная 31 октября 2011 года:

— Мариночка Юрьевна, спасибо за то, что Вы есть с нами!

— Вот поверите ли, Маша, ехала вчера домой и думала — какое счастье, что у меня есть эти девчоночки!

— Значит, мы с Вами были на одной волне!!!

Мария Митина (Евсеева)

Хочу все знать или дирижерская харизма

В 2017 году исполнилось бы 75 лет со дня рождения пассионария хорового искусства, замечательного дирижера, удивительного педагога и человека Георгия Павловича Муратова. Его концерты всегда были переполнены взрывчатой энергией творчества, чувством подлинной соборности между исполнителями и слушателями. Неправда, что незаменимых людей нет. Об этом, о творческой индивидуальности Г. П. Муратова размышляет его соратник по профессии, профессор кафедры хорового дирижирования Нижегородской консерватории Н. И. Покровский.

Г. П. Муратов

— Николай Иванович, расскажите, пожалуйста, где и как Вы познакомились с Георгием Павловичем, и каким было Ваше первое впечатление о нём?

— Мы познакомились в капелле (Горьковская капелла мальчиков. — *И. С.*), правда, когда он уже выпускался. По-моему, год или два только вместе учились. По окончании училища Гера уехал учиться в Московскую консерваторию, и мы с ним долго не встречались. В Нижегородской консерватории я один год учился с его одноклассниками — А. Скульским, В. Васильевым.

Выпускник Московской консерватории Георгий Муратов вернулся на свою родину и активно включился в музыкальную и педагогическую деятельность: музыкальное училище, театр кукол (музыкальный руководитель), хор Дворца культуры Автозавода, позже Горьковская консерватория и оперный театр (главный хормейстер). Нижнему Новгороду повезло, что этот человек, пусть с некоторыми перерывами, провёл здесь долгие годы. Он вложил в хоровую культуру и в целом в музыкальную культуру города свой талант музыканта, хормейстера и педагога.

— Могли бы Вы подчеркнуть его особенности как дирижёра?

— Он был очень темпераментный и импульсивный человек, но при этом удивительным образом оставался в строжайших рамках художественного вкуса. Он был тонким и грамотным музыкантом, эрудированным человеком, и поэтому все его дирижерские, как сейчас модно говорить, проекты, и исполнение произведений самых различных стилей отличал высокий художественный уровень. В них, что называется, «не мог комар носа подточить» по стилистике, а горячность исполнения не допускала перебора. А темперамент Муратова — это совершенно особый феномен. Это был вулкан. Горячность и певучесть — отличительные черты его исполнительского стиля. Даже оперный оркестр под его управлением пел. Мне довелось это слышать и в Нижегородском и в Пермском театрах.

— То есть можно сказать, что он был харизматичным руководителем?

— Безусловно. Насчёт харизмы — тут всё в порядке.

— А какой хоровой школе он следовал?

— Поначалу, когда он приехал из Москвы, впитал богатейшие хоровые традиции московской хормейстерской школы. Однако рамки именно хорового исполнительства ему, его музыкантской одарённости оказались тесны, поэтому через непродолжительное время, будучи главным хормейстером нашего оперного театра, эпизодически дирижируя оперными спектаклями, Георгий Павлович понял, он решил, что пора опять «садиться за парту» и осваивать новую профессию, профессию оперно-симфонического дирижёра. И он поехал в Ленинград учиться у знаменитого педагога Ильи Александровича Мусина. А после окончания Ленинградской консерватории стал «универсальным» дирижёром, которому в равной степени под силу и хоровые миниатюры, и крупные вокально-симфонические сочинения, и оперный репертуар. Это дало ему возможность работать главным дирижёром Красноярского и Пермского оперных театров..

— Где он поставил «Пену дней» Э. Денисова?

— Да, это в Перми. Кстати, в Перми состоялся очень хороший дуэт, жаль, что непродолжительный — Георгия Павловича с его однокурсником — Владимиром Валериановичем Васильевым, который после окончания консерватории, проработав здесь (в Горьком) педагогом год или два, уехал в Пермь главным хормейстером и создал там такой потрясающий хор… Это был, пожалуй, редкий пример, когда хор оперного театра постоянно выступал с сольными хоровыми программами, зачастую a`cappella. Как правило, оперные хоры в

подобных проектах не участвуют, это не их профиль — пение без сопровождения требует особой выучки и особых навыков. Однако, универсальность творческой, дирижёрской личности Васильева (он дирижировал оперными спектаклями) позволила ему вывести возглавляемый им хор в разряд высоко профессионального и творчески «многопрофильного» коллектива.

В общем, эти трое «капельских» однокурсника (В. Васильев, Г. Муратов, А. Скульский) — в полной мере состоявшиеся творческие личности и гордость Хоровой капеллы и музыкального училища нашего города.

— А можно ли сказать, что Г. Муратов создал свою дирижёрскую школу?

— У Георгия Павловича немалое количество учеников, которые успешно работают и дирижёрами, и хормейстерами. Но ещё больше тех, кто испытал на себе воздействие его музыкантского и дирижёрского таланта, в ком его музицирование зажгло огонь истинного творческого служения музыкальному искусству. Прекрасный педагог и воспитатель он сыграл заметную роль в дирижёрско-хоровом образовании родного города, но думаю, не стоит надевать на Георгия Павловича лишние «короны», дабы не обидеть его светлую память…

— Выходит, что последователей у него нет, именно в дирижировании?

— А у него нет какого-то совершенно оригинального стиля дирижирования. Зачем ему? Он очень хорошо пользовался тем, что уже до него создано, до него апробировано. Изобретать новое ему нет смысла.

— А что было для него главным в хоровом пении? Хор звучал у него как-то особенно?

— Да, он всегда старался отделывать детали, чтобы это было выразительно, ярко, интересно. Под его руководством, как правило, были молодые ребята, я имею в виду не оперный театр. В оперном театре совершенно другие законы. Он был очень удачливый и результативный хормейстер в оперном театре. Но концертная жизнь — хор консерватории, хор музыкального училища — связана с молодыми ребятами. И с каким энтузиазмом, с какой любовью они всегда шли на концерты петь под его руководством! Для них это был праздник, сама обстановка концерта завораживала. Георгий Павлович заражал своим музыкантским пониманием, своим темпераментом. И исполнение, как правило, было очень яркое, интересное. И публика всегда принимала эти концерты с восторгом. Когда были концерты хоровой музыки и хоровые коллективы пели под руководством Георгия Павловича, залы всегда были переполнены, слушатели и стояли, и на подоконниках сидели — его концерты всегда были событием.

— А как к нему относились студенты — любили, уважали?

— Кроме уважения к нему относились с очень большой теплотой, его любили, потому что каждому хотелось быть таким же харизматичным, интересным, выразительным, ярким — это же очень, очень здорово. Он, конечно, большое влияние оказывал не только на своих учеников, но и на всех, кто с ним общался, кто под его руководством пел. Это, безусловно, очень яркие, запоминающиеся моменты в их жизни.

— Последний вопрос — а был ли у него какой-то негласный девиз?

— Девиз???…

— Да, девиз, с которым он жил, к чему он стремился, его цель?

— Он был человек очень разносторонних интересов — хорошо знал литературу, хорошо знал искусство. Очень хорошо и глубоко знал музыку, и не только хоровую, а вообще музыку. Интересовался многим помимо искусства. В молодости он гонял, именно гонял на мотоцикле, и со стороны это выглядело страшновато, потому что при его темпераменте и неуёмности… *(смеется)*.

Он учил языки, читал в подлиннике произведения английских, французских писателей. Это было ему интересно, он считал, что перевод есть перевод, а живое слово автора уникально… Правда, насколько я помню, поспорить с ним можно было насчёт произношения, но произношение его мало интересовало. Он читал и читал, и письменный язык знал очень хорошо. Он продолжительное время сотрудничал с хором Института иностранных языков, который создала его супруга — Вера Игнатьевна Сладченко. Для этого коллектива Георгий Павлович сделал много переложений, аранжировок, но когда они репетировали произведения на иностранных языках, он в произношение не вмешивался, там были свои консультанты. И когда хор консерватории пел произведения на иностранных языках, он из инязa приглашал продвинутых студентов или педагогов, но сам фонетикой не занимался. Это просто не входило в круг его интересов.

— А все же относительно девиза?

— Не знаю, может быть, и был девиз. Он очень много хотел всего знать и быть в курсе всех культурных событий. «Хочу всё знать», — я так думаю, его негласный девиз. Но это мы уже, наверное, придумали…

Беседовал Иван Селезнев

Уникальная профессия — музыкант

Искренние слова восхищения, бесконечной благодарности… и, конечно, прекрасная духовая музыка — основные «компоненты» концерта, состоявшегося в Большом зале Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки 31 октября. Студенты, педагоги и выпускники вуза собрались в стенах родной Alma mater для того, чтобы выразить своё почтение к памяти педагогов, которые «вдохнули жизнь» в кафедру деревянных духовых инструментов и составили её славу.

Класс деревянных духовых в Горьковской консерватории создавали яркие исполнители и мудрые Учителя. О каждом из них можно сказать — Человек с большой буквы. Главное доказательство тому — любовь и уважение учеников, которые сегодня продолжают дело своих наставников, и безусловный авторитет среди коллег других консерваторий страны. Флейта, гобой, кларнет, фагот, саксофон — у каждого из этих инструментов был свой Маэстро, который подобно волшебнику открывал студентам тайны духовой музыки.

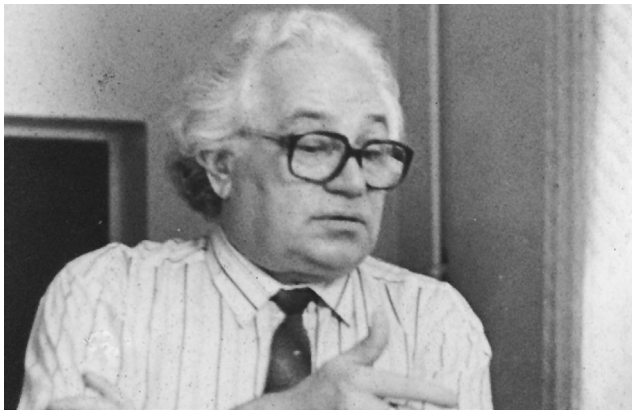
В концерте принимали участие уже сложившиеся музыканты, лауреаты престижных конкурсов, исполнители высокого класса, ведь марка «сделано в Горьковской-Нижегородской консерватории» к этому обязывает. Звучали произведения К. Сен-Санса, Л. Бетховена, Дж. Тампалини, М. Вальтера, Л. Нейгауза.

Торжественное открытие концерта доверили флейтисту Ивану Мутузкину. В его исполнительском списке — выступления на лучших концертных площадках Италии, Испании, Норвегии, Англии. В 2012 году он дебютировал в США в Нью-Йоркском Линкольн-центре в составе квартета флейт музыкального театра Метрополитен-Опера, а в 2016 выступал в Карнеги-Холл в концерте лауреатов I премии Международного конкурса VIVO.

«Особенности нижегородской духовой школы состоят в следовании лучшим традициям московской и петербургской духовых школ, заключающих в себе воспитание и развитие не только профессиональных, но и личностных качеств исполнителя, — рассказывает Иван Мутузкин, — особыми качествами педагогов кафедры являются индивидуальный подход к студентам и серьезное отношение к их будущему».

Иван Мутузкин вместе с Анной Первиной (фортепиано) исполнил пасторальные «Сельские сцены» современного бельгийского автора А. де Тайя. «Невесомые» звуки фортепиано изящно подчеркивали серебристый, чистый, воздушный тембр флейты.

Нижегородская «флейтовая династия» начиналась с профессора Рафаила Эммануиловича Пивоварова — блистательного артиста, солиста Горьковской филармонии, проработавшего на кафедре около сорока лет. А самым любимым учеником профессора Пивоварова был Юрий Борисович Ром. С ним связана целая эпоха в музыкальной жизни г. Горького. Его исполнительское мастерство высоко ценили прославленные музыканты: Дмитрий Шостакович, Арам Хачатурян, Мстислав Ростропович, Евгений Светланов, Наталия Гутман, Владимир Спиваков. Юрий Ром был одним из организаторов и солистов ансамбля старинной музыки «Концертино», который с огромным успехом гастролировал по всей стране. Нижегородская пианистка, профессор консерватории Наталья Лузум говорила о нём: «Невозможно представить Ю. Рома без флейты, впрочем, как и флейту без Ю. Рома». Сегодня на кафедре преподает ученица Ю. Б. Рома, солистка Академического симфонического оркестра Нижегородской филармонии имени М. Ростроповича, доцент Наталья Полунова.



Ю. Б. Ром

Р. Э. Пивоваров

П. А. Федотов

Е. А. Титов

Одним из самых запоминающихся моментов концерта стало выступление Ашота Мкртчяна и Марата Газарова (партия фортепиано — Екатерина Мирзаева). Их мастерское исполнение «Концертштюка в стиле Фейдмана» И. Коэна для двух кларнетов и фортепиано погрузило слушателей в особую атмосферу еврейской музыки с ее богато орнаментированной мелодикой, с острым, синкопированным ритмом, несущим в себе отголоски речевой интонации.

Нижегородская кларнетовая школа сегодня — одна из ведущих в России. А зарождалась она в далеком 1954 году, когда в Горьковскую консерваторию приехал выпускник МГК им. П. И. Чайковского Прохор Анисимович Федотов. Он около тридцати лет совмещал преподавательскую деятельность с должностью проректора. Все помнят его как одаренного музыканта и мудрого руководителя, но мало кто знает, что Прохор Анисимович прошел Великую Отечественную войну, участвовал в обороне Сталинграда. В военные годы организовал фронтовой духовой оркестр. С войны он вернулся в звании капитана и с головой погрузился в педагогическую деятельность. К студентам всегда был добр и внимателен, они его обожали и называли не иначе, как «отец Прохор».

Блестящий ученик П. А. Федотова — профессор Евгений Анатольевич Титов. Он — заслуженный артист России, с успехом гастролировал во многих городах нашей страны. За годы педагогической деятельности обучил более сотни выпускников, которые сегодня несут нижегородские традиции в разных городах необъятной родины.

На концерте выступил один из последних выпускников его класса — доцент Александр Самарин (ныне заведующий кафедрой деревянных духовых инструментов), исполнив «Конкурсное соло» Андре Мессаже в переложении Н. Кустова для хора кларнетов и контрабаса (Ян Гаевой). Виртуоз-солист в окружении двенадцати кларнетов! Это «буйство» звуковых красок, невероятной энергии и исполнительского мастерства — эксклюзивное выступление тринадцать кларнетов — выпускников Нижегородской консерватории на одной сцене — не каждому слушателю повезет такое увидеть и услышать, и оценить высокий класс нижегородских кларнетистов, их выдумку — они точно знают, как удивить даже самую искушенную публику.

Музыкант — профессия уникальная, невозможно мастерски научиться играть на инструменте по книгам и учебникам. Для овладения этим сложным творческим ремеслом нужен мудрый наставник, который впоследствии станет коллегой, а, может быть, и другом. Студентам и выпускникам кафедры деревянных духовых инструментов повезло, они сопричастны с судьбой тех педагогов, которые закладывали фундамент культурных традиций Горького — Нижнего Новгорода и сыграли заметную роль в музыкальной жизни России.

Юлия Серова

Хор кларнетов, солист — А. Самарин

Contemporary music

С 17 по 19 октября в Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки прошел VI Международный фестиваль современной музыки «Картинки с выставки», который полтора десятилетия пользуется неизменным успехом у нижегородских музыкантов и меломанов.

Что мы знаем о современной академической музыке? Нестандартные идеи и подходы к воплощению художественных образов, необычные методы исполнения, своеобразный музыкальный язык… Современная музыка вызывает неоднозначное отношение слушательской аудитории: кто-то принимает ее безоговорочно, кому-то она непонятна и совершенно не близка, но с уверенностью можно сказать — равнодушных к ней нет. Фестивалю «Картинки с выставки» уже на протяжении пятнадцати лет удается вызывать у слушателей чувство сопричастности с искусством современности.

О значимости фестиваля рассказал народный артист России, ректор ННГК им. М. И. Глинки Э. Б. Фертельмейстер: «Это событие — продолжение фестиваля современной музыки, который был в свое время известен не только в городе Горьком, но и во всем Советском Союзе. Сегодня это другой формат, другие сочинения, исполнители и авторы, но суть остается та же — знакомство нижегородского слушателя с новой музыкой. В этом заключается просветительский пафос нашей консерватории. Важно, чтобы город был столицей музыки. Этот фестиваль является примером подвижничества, самоотдачи людей, которые создавали "Картинки с выставки". Хочется, чтобы он жил долго, плодотворно и "обрастал" новыми яркими именами».

В фестивальный проект вошли четыре разноплановые программы, звучала хоровая, камерная и оркестровая музыка. Произведения композиторов из Франции, Испании, Словакии, Германии, Италии, Украины подтвердили международный статус и широкую географию творческого события. Безусловно, не было забыто отечественное, и, что особенно приятно, нижегородское музыкальное искусство.

Интригу отбора сочинений раскрыл идейный вдохновитель фестиваля, председатель регионального отделения Союза композиторов России, заведующий кафедрой композиции и инструментовки Нижегородской консерватории, профессор Б. С. Гецелев: «Мы хотели, чтобы звучала хорошая музыка. Но в этом есть опасность — нельзя показывать только то, что нравится, и ограничивать себя тем, что уже известно. Мы расширяем зону музыкальных произведений, идем путем опытным, показываем новые композиции, которые пока не стали всеобщим достоянием. И для меня фестиваль — это постоянный эксперимент».

Акцент первого дня был сделан на хоровом звучании. Торжественное открытие вечера доверили не маститым музыкантам, а юным и очень трогательным артистам хора младшей группы Нижегородской капеллы мальчиков (руководитель Надежда Лобковская, концертмейстер Дмитрий Карнаухов). С особенным интересом и искренностью, которая присуща только детям, они исполнили сочинения «Чик-чирик», «Праздник лета» нижегородского композитора Татьяны Татариновой.

Кульминацией второго отделения стало выступление Муниципального камерного хора «Нижний Новгород» под руководством Ивана Стольникова. Это один из самых авторитетных хоровых коллективов Приволжской столицы, он может гордиться не только своей богатой творческой историей, но и колоссальным концертным репертуаром, который постоянно обновляется и пополняется оригинальными современными опусами.

Среди хоровых сочинений выделилась своей постмодернистской направленностью премьера молодого нижегородского композитора Марка Булошникова «Там, где…», посвященная Кириллу Серебрянникову, на стихи Д. А. Пригова для смешанного хора и ударных (переодетый в полицейскую форму перкуссионист — Дмитрий Ткаченко). М. Булошникову свойственны необычные сочетания тембров: гобой и арфа, аккордеон и виолончель, гитара и кларнет, в этот раз ударная установка и хор… Кстати, со стихами поэта-концептуалиста Д. А. Пригова М. Булошников работает не впервые, и для него важно: «… найти внутренний резонанс, должны быть свои определенные ощущения и, главное — осознание материала, с которым ты работаешь. Я считаю, что через маску театральности мне удалось раскрыть смысл литературных строк из произведения Пригова», — рассказывает о своём сочинении М. Булошников.

Т. Сергеева и А. Скиба

Муниципальный камерный оркестр «Солисты Нижнего Новгорода». Дирижер — В. Онуфриев

Второй день продолжил фестиваль концертом, в котором звучали произведения студентов кафедры композиции и инструментовки ННГК им. М.И. Глинки. «Музыка молодых» — это знак доверия мастеров целеустремлённым и перспективным композиторам, которые сегодня только начинают прокладывать свой путь в необъятном мире музыки.

«Для нашей кафедры это значимый фестиваль. Для меня такие мероприятия — импульс для дальнейшего творческого развития, а также это определённый взгляд на себя со стороны, что не менее важно для композитора», — делится впечатлениями студентка пятого курса Екатерина Лежнина.

Каждый молодой автор тяготеет к своей музыкальной сфере: кому-то ближе инструментальная музыка, кто-то увлечен поиском новых красок в вокальных сочинениях. Так, студент второго курса Данила Киселев представил три сатирические песни на стихи Р. Бернса в переводе С. Маршака: «Веселый вдовец», «Песенка», «Мое счастье». В исполнении Георгия Синаревского (партия фортепиано исполнена автором) эти произведения превращались в ироничные, полные юмора театрализованные миниатюры, которые вызвали искренние улыбки на лицах слушателей.

Яркой страницей второго дня фестиваля стала камерная инструментальная музыка, избежавшая привычного звучания струнных или деревянных духовых. Свежий, немного неожиданный колорит концерту придали, казалось бы, полярные тембры — домра, саксофон, арфа и орган. А подарили слушателям многокрасочный музыкальный сюрприз московские гости фестиваля — Татьяна Сергеева, Оксана Сидягина и Антон Скиба.

Заслуженный деятель искусств России, композитор, пианистка и органистка Т. Сергеева — непременная участница каждого фестиваля. В этот раз она представила премьеру своего сочинения «Вариации на тему генерала Титова» для саксофона и фортепиано. За роялем — автор, партию саксофона исполнил лауреат международных конкурсов А. Скиба. В выразительной, экспрессивной музыке слышалась и героическая патетика Бетховена, и искромётная виртуозность Листа, и задушевная лирика Рахманинова. И это неспроста: о фортепианной игре Т. Сергеевой музыкальные критики откликаются только с искренним восхищением: «от дуновения к звуковому шторму», «искусство изысканной игры», «летающие руки»…

«Мой музыкальный язык можно охарактеризовать так: “вперед к прошлому”. Он совершенно не авангардный, поэтому слушателю понять произведение будет несложно. За основу своего сочинения я взяла романс композитора А. Титова на стихи Пушкина, а произведение посвящено саксофонисту Антону Скибе», — рассказала Т. Сергеева.

Завершал музыкальный форум вечер оркестровой музыки. В первом отделении выступил популярный Муниципальный камерный оркестр «Солисты Нижнего Новгорода», которым управлял архангельский маэстро Владимир Онуфриев — давний друг и партнер коллектива, к тому же выпускник ННГК им. М.И. Глинки. Музыканты выразительно исполнили произведения европейских композиторов: Увертюру для струнных В. Лютославского (Польша), «Песнопения морского прилива» А. Абриля (Испания), «Серенаду для госпожи Европы» Альгирдаса Мартинайтиса (Литва) — совсем не авангардная, воздушная и легкая contemporary art композиция позволяла слушателю ностальгировать по такой недавней, но уже уходящей безмятежной, легко музицирующей Европе.

Совершенно противоположной — яркой, ослепительной, неистовой — предстала музыка Старого Света во втором отделении вечера. Концерт «Opale» для аккордеона (2, 3 части) французского композитора Ришара Гальяно в исполнении выпускника нашей консерватории Никиты Власова (Москва) и Нижегородского государственного русского народного оркестра под управлением народного артиста России Виктора Кузнецова — необычное воплощение музыкального образа — «сплав» французского шарма и аргентинского темперамента. Это музыка неспокойной сегодняшней Европы, наполненной отголосками других культур, более отдаленных, чем любимая французами Испания.

Современная академическая музыка — зеркальное отражение нашего времени: креативных тенденций и стремительного ритма жизни. Она актуальна, содержательно полифонична, наполнена скоростной энергией сегодняшнего дня. Она постоянно изменяется, «живет и дышит», ищет и находит все новые и новые пути развития…

Юлия Серова

С любовью из Северной столицы…

Известно, что красный называют цветом любви. Все мы, независимо от национальности, рисуя знак любви — сердце, окрашиваем его именно в этот цвет. 19 сентября сцена Большого зала Нижегородской консерватории светилась красным неслучайно — платья юных хористок создавали броское, колоритное пятно. В этот вечер женский хор Санкт-Петербургского музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова приехал петь нижегородцам о любви.

Коллектив за 50 лет существования стал десятикратным обладателем Гран-при (Санкт-Петербург, Москва, Таллин, Братислава), лауреатом международных конкурсов в Латвии, Эстонии, Польше, Братиславе; выступал в Киево-Печерской лавре, Государственном концертном зале «Эстония» (Таллин), в консерваториях Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Петрозаводска, гастролировал по Европе. «Коллектив Европейского уровня и звукового блеска» (журнал «Weekend») сотрудничает с симфоническими оркестрами Санкт-Петербурга, Карельской филармонии, выпускает собственные компакт-диски. В его репертуаре — музыка всех времен и многих стран: русская и западноевропейская классика, романтические сочинения, духовная музыка, популярные мелодии, современные обработки народных песен и саундтреки из кинофильмов.

В честь своего юбилея хор гастролирует по России, и вот впервые в Нижнем Новгороде коллектив исполнил сочинения современных композиторов, в основном, петербургских. По словам Сергея Екимова, композитора и дирижера, который руководит хором 15 лет, «нам хотелось представить нижегородцам что-то новое, свежее». Разнообразие произведений — духовные песнопения, обработки народных песен, популярные мелодии из кинофильмов, и прекрасное, изысканное исполнение — вот секрет того, почему публика прослушала два отделения «на одном дыхании».

Хор звучал великолепно: профессионально поставленные голоса, чистые интонации, отличная дикция, стройное соотношение партий создавали мягкую слитность звучания, порой оттеняемую своеобразным хоровым стерео. Необычная эмоциональная сценография и исполнение в полной мере передали ту пеструю панораму эмоциональных состояний, о которой писал Э. Асадов в замечательном стихотворении «Цвета чувств»: «Назвать даже попросту не берусь / Все их — от ласки до горьких встрясок. / Наверное, сколько на свете чувств, / Столько цветов на земле и красок».

И как только смогли юные музыканты (студентки 1-3 курсов музыкального училища) достигнуть столь высокого уровня мастерства и осилить солидную программу за такие короткие сроки? Очевидно, огромную роль играет руководитель! По словам Сергея Екимова, с 25 августа уже начались ежедневные репетиции без права на отдых. Сам дирижер рассказывает о своей педагогической тактике: «Я стараюсь быть достаточно демократичным со студентками, всегда говорю правду, стараюсь быть открытым. Да, я достаточно жестко руковожу. Но я считаю, что женским коллективом надо руководить только жестко, ведь у каждой девушки каждый день возникают какие-то проблемы, кто-то, например, с парнем расстался, кто-то снова полюбил. Мы начинаем петь песню "Я люблю тебя" — пол хора плачет, поэтому первые десять минут приходится их приводить в чувство *(смеется)*. Но музыка, по-моему, от всего лечит, и что бы ни произошло, настроение делает творческим и доставляет удовольствие».

Песня «Я люблю тебя» В. Плешака в аранжировке для женского хора и фортепиано (партия фортепиано К. Зелигер) звучала настолько трогательно и правдиво, что задевала самые глубокие сердечные струны.

Сочинение самого Сергея Екимова «Хвалите Господа с небес» — фрагмент из Симфонии молитв «Рече Господь», посвященной Женскому хору, прозвучало по-настоящему возвышенно. Величественные и торжественные звуки песнопения, усиленные акустикой зала, казалось, устремлялись в купол храма, а повторявшиеся строки молитвы на ***pp*** растворялись уже где-то «на небесах».

Женский хор Санкт-Перетбургского музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова

Тема любви актуальна во все времена и для всех народов, это тема всеобъемлющая, но можно ли было, подумаете вы, объединить в одном концерте под этой темой такие произведения, как «Зачем меня ты обижаешь?» Я. Дубравина, «На горе-то калина» в свободной обработке С. Екимова и его же «Хвалите Господа с небес»? Можно. Именно на этом концерте публика услышала произведения о любви во всех ее проявлениях: любви юношеской, любви между мужчиной и женщиной, любви матери к сыну, любви к Родине, к природе, и наконец, любви человека к Богу. На этом захватывающем концерте чувствовалась и особая любовь к музыке, к творчеству, которую петербургские артисты передали нижегородскому слушателю. Эмоциональным откликом профессиональному хору и его талантливому руководителю стали несмолкаемые овации и крики «Браво!», сопровождавшие каждое произведение. На прощание Сергей Екимов преподнес еще один сюрприз — уступил дирижерский пульт преподавателю Нижегородской консерватории, главному дирижеру Муниципального камерного хора «Нижний Новгород» Ивану Стольникову. Под его управлением хор выразительно исполнил произведение нашего великого земляка Л. Сивухина — «Вышивальщица». Слушатели аплодировали стоя!

Анна Царева

Сквозь пространство и время

В мае 2017 года музыкальный мир отмечал 450-летие со дня рождения Клаудио Монтеверди, композитора, сыгравшего решающую роль в развитии европейской музыки, ставшей в его творчестве открыто говорить «языком чувств». В честь этой знаменательной даты в Санкт-Петербурге и Москве фламандский ансамбль Collegium Vocale Gent под управлением Филиппа Херревеге представил одно из самых знаменитых творений великого итальянца, его «Вечерню Пресвятой Девы» («Vespro della Beata Virgine»). В северной столице музыканты выступили 29 октября в Концертном зале Мариинского театра, а в Москве в Концертном зале им. П. И. Чайковского на следующий день. Своей блестящей интерпретацией Херревеге еще раз доказал, что музыка начала XVII века может звучать как абсолютно современное произведение.

Значение Клаудио Монтеверди в истории культуры далеко превосходит XVII век. В музыке он сыграл роль, сопоставимую с той, что сыграл в литературе его современник Уильям Шекспир. Творец множества мадригалов, активно работавший в недавно рожденном жанре оперы Монтеверди стал величайшим реформатором, утвердившим в академической музыке язык живых эмоций. Свободный еще от тонально-гармонической ладовой системы Монтеверди гениальным чутьем нашел практически все ходовые музыкальные мотивы и формулы, которые до сих пор активно используются в поп-музыке и массовой культуре. То, что вскоре после своей кончины Монтеверди был забыт и возрожден к жизни только в веке XX ничуть не умаляет его значение. Полуторачасовая «Вечерня Пресвятой Девы» — одно из центральных сочинений итальянского мастера, до Мессы h-moll Баха это, пожалуй, самое грандиозное и сложное произведение, созданное для церковной практики и при этом ориентированное уже на формировавшийся тогда светский музыкальный стиль. Пройдет меньше столетия, и регламент церковной службы будет уже опираться на четкие музыкальные формы, отчасти сформированные под влиянием риторики, отчасти пришедшие из светских музыкальных жанров. В начале XVII века Монтеверди чувствует себя абсолютно свободным и создает необыкновенно пышную

Ансамбль Collegium Vocale Gent под управлением Филиппа Херревеге

и цветистую картину, в которой восторг ренессансного художника и брызжущее жизнелюбие совершенно органично сочетаются с хоральной строгостью и чинной размеренностью. Музыка «Вечерни» стала конкурсным заданием, справившись с которым, Монтеверди в 1610 году вступил в должность главного музыканта собора Сан Марко в Венеции, где и жил вплоть до своей кончины, пользуясь благосклонностью как церковных сановников, так и городского совета.

В России Монтеверди, к сожалению, не везло. Единичные постановки его опер (например, «Коронация Поппеи» в театре Ленинградской консерватории в советские годы или осуществлявшееся несколько раз концертное исполнение «Орфея»), увы, не смогли зажечь интерес к фигуре композитора среди театров и филармоний. А исключительная сложность вокальных партий, вполне сопоставимая с требованиями к вокалистам в изощренных современных партитурах, лишь усугубляла дело. Широко отмечаемый в этом году в Европе 450-летний юбилей Монтеверди практически миновал российские просторы, и отрадно, что хотя бы концерт Херревеге показал нашему слушателю тот невероятный космос, скрытый в музыке итальянского гения. Несмотря на свою более чем четырехвековую историю, в Петербурге «Vespro della Beata Virgine» не звучала ни разу (москвичи получили возможность впервые услышать эту вещь в 2014 году), напечатанный в программках текст с русским переводом стал прекрасным подспорьем для незнакомой с этим сочинением публики. Мастер и великолепный знаток ренессансной и барочной музыки Херревеге в своей интерпретации великого опуса сделал ставку, прежде всего, на интеллект, и с помощью весьма скромного исполнительского арсенала виртуозно сумел создать атмосферу подлинного праздника. В 1986 году Херревеге вместе с Collegium Vocale Gent и французской «Королевской капеллой» уже делал запись «Вечерни». Тогда дирижер сделал акцент на витальной силе и «молодости» этой музыки, подчеркнув ее театральные корни. Спустя 30 лет все становится строже, из того старого состава, кроме стоящего за пультом маэстро, из музыкантов остался только великолепный лютнист Маттиас Шпетер, вместо звонкого continue у клавесина — строгие аккорды портативного органа, вместо цветистости — графические линии. В отличие от сэра Джона Элиота Гардинера, забравшегося в монтевердиевских сочинениях в такой космос, где уже перехватывает дыхание, и остается лишь в немом изумлении созерцать «сияние чистого разума», Херревеге все-таки чувствует землю. В подобранных для исполнения «Вечерни» голосах, несмотря на чистые и практически «безвибратные» тембры, было слышно чувственное очарование. Рядом с опытными мастерами (сопрано Доротея Мильдс, бас Петер Коой) дирижер поставил молодых певцов (вызвавшие всеобщий восторг тенора Самуэл Боден и Рейнауд Ван Мехелен). В принципе, это соседство юности и зрелости Монтеверди заложил в самой партитуре, где строгие грегорианские хоралы соседствуют с пышной цветистостью мадригалов. Монодийные грегорианские запевы звучали перед началом крупного раздела формы (сопрано Барбора Кабаткова картинно давала ауфтакт для растворенной внутри хора группы Schola Gregoriana), но самые впечатляющие моменты «Вечерни» были те, когда строгие напевы контрапунктически сочетались со сложнейшими фиоритурами, безукоризненно исполненными солистами, например, номер Nisi Dominus («Если Господь») на текст 126 псалма. А следующий за ним номер Audi Coelum («Услышь небо») по сути представляет собою виртуозный мадригал в стиле эхо, где повторенное последнее слово четверостишия становится ответом или реакцией на просьбу.

Еще не связанный сложившимися жанровыми требованиями Монтеверди с упоением иллюстрирует в своей «Вечерне» буквальное каждое слово и смысл. Арии и ансамбли растворены в общем потоке. Так, в разделе «Duo seraphim» («Два серафима») мы сначала, соответственно, слышим два тенора, потом, где речь заходит о Святой Троице, к ним подключается третий, на словах «unum sunt» («суть едино»), соответственно, остается один голос. Собрать из этих маленьких сверкающих фрагментов единую картину — невероятно сложная, и, вместе с тем, благодарная задача. Когда, наконец, в грандиозный пазл было поставлено заключительное «Amen», концертный зал Мариинки встал в единодушном порыве и долго не отпускал артистов со сцены. И это одно из свидетельств, что настоящее искусство существует вне времени и пространства, и оно всегда найдет путь к человеческим сердцам.

Георгий Ковалевский
(первая публикация в журналае
«Музыкальная жизнь» № 11 за 2017)
Фото Натальи Разиной © Мариинский театр.

Непримиримый авангардист

Репортаж с концерта, посвящённого 70-летию Виктора Екимовского

Концерт музыки Виктора Екимовского, приуроченный к 70-летию композитора, прошёл 1 ноября в киноконцертном зале Центра современного искусства «Арсенал» Нижнего Новгорода. Два нижегородских ансамбля (NoName ensemble, Струнный квартет Cantando), студенты и аспиранты Нижегородской консерватории, а также сын композитора, Даниил Екимовский, исполнили 7 композиций под пристальным вниманием самого автора.

Модератор концерта, Рауф Фархадов, сразу отказался от микрофона, предложенного ему куратором проекта «Забытый авангард» К. Ануфриевой, которая представила гостей концерта. В зале было тепло, но как-то неуютно. Стены из красного кирпича восемьсотлетней давности, нестройные ряды пластиковых стульев на сером лакированном полу и подобие строительных лесов в качестве стропил потолка. Современно, конечно, но вряд ли модерн.

Почти все места заняты студентами и преподавателями Нижегородской консерватории и Дзержинского музыкального колледжа. На других, оставшихся свободными, обосновались «гражданские», скажем так, неискушённые и «необязательные». Видимо, любители. Для концерта, где играют авангард, это немного странно — в современном мире массовой культуры даже классику не все слушают, что уж говорить об экспериментах с академической музыкой. Хотя Нижний Новгород всегда поспевал за современностью, и в музыке — особенно.

Сразу стало понятно, почему Рауф отказался от микрофона — колонки очень громкие, а текст — сложный. Голос у него и так сильный, а в текст нужно вслушиваться. Каждое предложение — что-то новое, чего не найти в книгах или в интернете. Хотя на просторах сети есть «Автомонография» В. Екимовского, Рауф подаёт почти ту же информацию «вживую», от лица друга композитора, и, будучи экспертом в творчестве Виктора Алексеевича, проводит слушателей сквозь скрытые смыслы к звуку, к истинному содержанию произведений.

Даниил Екимовский

Первой композицией была «Композиция 7» для струнного квартета, что-то вроде Введения в творчество, самое «классичное» произведение всего концерта. «Композиции» у В. Екимовского — аналог опусов. Эпатаж во всём. Не сказал бы, что переименование опусов в «композиции» можно назвать эпатажем, но… ему виднее. Музыка достойная. По крайней мере, для прослушивания без предварительной подготовки, а это уже достижение, ведь редкое современное академическое музыкальное произведение можно воспринять без тонн печатного текста перед ним, «небольшой прелюдии», так сказать.

Музыка В. Екимовского представляет собой что-то среднее между инструментальным театром и сонорными поисками. «В созвездии гончих псов» для трёх флейт и магнитной ленты исполнители собрались вокруг круглой «партитуры» — карты ночного неба, и «играли созвездия», перенесённые из космоса на бумагу Виктором Алексеевичем. Ночную атмосферу создавал фон, записанный на ленту магнитофона. Даже свет сыграл свою роль, ибо его потушили ради большего слияния с музыкой. Не все слушатели были с этим согласны — один колоритный паренёк с рыжей бородой в бирюзовом свитере весь концерт пытался прочесть какую-то книгу, и даже когда потушили свет, он нашёл лампу, согнулся и продолжил читать. Наверное, дочитал…

Дальше — авангарднее. Первое отделение концерта завершилось музыкой девяностых годов, а вся программа была построена по принципу: чем ближе к концу концерта — тем моложе произведение. Всё второе отделение уложилось в период нулевых-десятых, и здесь слушатели приблизились к истинному пониманию композитора. Р. Фархадов говорил, что Виктор Алексеевич в каждом новом сочинении отвергает всё, что было в старых (ещё «плюс один» к его эпатажности), а значит — к началу нового тысячелетия В. Екимовскому уже сложнее придумывать что-то такое, чего у него ещё не было. Но он придумывает.

«Лунная соната» с посвящением Бетховену — потрясающая идея передать все чувства великого

Модератор концерта Рауф Фархадов перед зрителями

композитора к Джульетте Гвиччарди с точки зрения… физиологии! Всплески тестостерона так и проникают в душу вместе с постоянным и непрекращающимся наслоением диссонансов на неизменную фактуру, вытекающую из бетховенских арпеджированных аккордов. Собственно говоря, всплески, о которых говорил Фархадов и которые — суть идея произведения, более доступны для понимания сильной половине человечества, и вряд ли — слабой. Ну и ладно, все плюсы композиции нивелируют любые гендерные минусы.

Кстати о фактуре — у В. Екимовского она занимает особое место. В своих произведениях он часто отталкивается не от стиля, жанра или тембра, а как раз от фактуры. Интересный подход — он оборачивается интересными результатами.

Три «Лебединые песни» для струнного квартета — не то чтобы работа с фактурой, но отвержение всего и вся в чистом виде. В первой он отвергает свою музыку, во второй — классическую, а в третьей — музыку вообще. Интересно было бы послушать все, но на концерте нам представили вторую с нотными листами в виде перьев лебедя, которые обречённо слетали с пюпитров по окончанию прочтения исполнителем нотного текста. Вот уж инструментальный театр в чистом виде. Хотя второе отделение изобиловало и более интересными композициями.

«Принцесса уколола палец, и всё королевство уснуло». Для струнного квартета, кларнета и флейты. Сие действо предполагало наличие у исполнителей элементарных актёрских навыков — медленно встать, медленно сыграть одну ноту, медленно сесть. И ещё медленно повертеться на месте. Просчеты исполнителей, не имеющих театральной практики, конечно, не сделали из данного перформанса полный фарс, но от музыки всё же отвлекали. А была ли суть в музыке? На этот вопрос загадочно ответил сам композитор, медленно выйдя на сцену и уведя с неё весь состав за собой гуськом, друг за другом. И всё. Потрясающе!

Динамичная концовка концерта буквально взорвала весь зал и разделила его на два лагеря: одни говорили — что это не музыка в чистом виде, другие упивались восторгом от только что произошедшего на их глазах. Вкратце — это было театрализованное музыкальное представление для струнных, деревянных духовых, рояля и дирижёра. Впрочем, состав мог быть любым. Названо оно было «Baletto», а исполнено — весьма задорно и неплохо.

Сын композитора, Даниил Екимовский, который унаследовал от отца не только прическу, но и тонкое чувство авангарда, уже блеснул в первом отделении, исполнив ту самую «Лунную сонату» с посвящением Бетховену. Теперь он предстал в виде дирижёра, который, собственно говоря, не был дирижёром в строгом смысле слова. Он был… переводчиком. Вестником. Излагателем. Он показывал исполнителям, как вести музыкальную фразу или мотив, потому что у музыкантов не было нот. У Даниила тоже их не было, но зато были листы с линиями разной длины и направления, и согласно им он дирижировал. Исполнители следовали за ним. Он яростно жестикулировал, и инструменты плакали. Он развернулся и начал топать ногами — исполнители неистовствовали. Он сбрасывал листы, и они падали. Потом он упал сам, и музыка замерла. Он вскочил и закончил произведение. Зал был в восторге. Таких оваций, пусть и от нескольких десятков человек, вряд ли стоило ожидать, но такова суть музыки В. Екимовского. Суть его подачи.

В своём авангардном мире, где он постоянно отвергает завоевания великих и свои собственные, он — царь, бог и король. Проблема в том, что таких миров сейчас — пруд пруди. И в каждом есть свой царь, король и бог. Но ведь многобожие мы уже пережили. И в таком случае не понятно, куда нам идти? Верить нам в каждого или всё-таки искать одного? Барокко, классицизм и романтизм давали нам точное определение начала истинного, начала непоколебимого и единственного. А что теперь?

На этот вопрос пусть каждый ищет ответ сам, но когда Виктор Екимовский в кратком перерыве между аплодисментами прохрипел: «Спасибо, Нижний Новгород», — я подумал: «Да, он нереально крут…».

Есть люди, которые разбираются в искусстве, а есть люди — которые нет. Так пусть музыка, даже современная, будет доступна всем непосвящённым, всем «гражданским» благодаря таким композиторам, как непримиримый авангардист Виктор Екимовский.

Иван Селезнев

Совсем не так

Пьеса А. Островского «Красавец мужчина» впервые решена как музыкальный проект, и Нижегородский театр оперы и балета им. А. С. Пушкина взял на себя смелость в новом сезоне поставить спектакль, который сами создатели характеризуют, как «мюзикл в водевильных тонах». О результатах проделанной работы — в материале.

Город Бряхимов. Тусклый кусочек запылённой провинции на полях бескрайней «партитуры» губерний, уездов и дворянских поместий императорской России. Добраться до него непросто — бери дрожки помощнее, чем иные кареты, иначе беда — обворуют, сожгут, или чего страшнее — убьют. Замёрзнешь или в канаву скатишься — помощи не жди. Всё это, конечно, проза, но ведь и Россия — совсем не лирика. Далеко не лирика.

Иная тройка нет-нет и заскочит в Бряхимов, стряхнёт с себя пару столичных новостей, да и уедет с полным коробом сплетен. А их здесь много. Настолько много, что порой диву даёшься — неужели людям так не удаётся себя делом занять, что каждый второй здесь оказывается трусом, вором, подлецом или интриганом? Неужели таковыми и были нравы провинциальной России XIX века?! В поисках ответа на этот вопрос можно, конечно, сдуть не одну тонну библиотечной пыли, но сейчас разговор не об этом. Бряхимов погряз в бесконечных интригах, дав нам одну из самых трагикомических, но в то же время поучительных классических историй. А классика актуальна всегда! Значит то, что было тогда, есть и сейчас. Вот что страшно. Теперь слушайте.

Нет, правда, мне спектакль понравился. Такой, знаете, «смузи» в некотором роде, полижанровость ему к лицу. Авторы взяли комедию, добавили драматизма, а композитор усилил и украсил всё это хорошей музыкой. Мюзикл, водевиль. Легко? Легко. Доступно? Доступно. И слушать приятно, и мозг не скучает, а для глаз придуманы дома — самовары, церкви — матрёшки, всякие лесенки, да к тому же передвижные. Для провинциального колорита есть свинья, собака, кошка, один (?) подвыпивший кузнец и целая орда (?!) дворников. Хотя куда ж без них — они декорации двигают. Свет хороший, костюмы яркие — всё грамотно и сценично. На хореографию жаловаться тоже грех — общий танец открывает мюзикл, он же его закрывает, немного движения есть в середине, но ничего особенного. Не балет, в конце концов, трагикомедия.

А вот тут начинается самое интересное. Как, скажите мне, можно уложить большое драматическое произведение в двухчасовой лимит и сделать это на оперной сцене? С музыкой, вокальными номерами, со всеми сопутствующими факторами? Да так, чтобы зритель не уснул?

Зоя — Надежда Маслова, Окоёмов — Алексей Кошелев

«Очень трудно определяется жанр…», — сказал на пресс-конференции режиссёр-постановщик спектакля Илья Можайский, и был прав. В этих словах, можно сказать, заключена квинтэссенция проблемы спектакля. С каких позиций оценивать то, что, по сути, представляет собой «свежее» направление в музыкально-драматическом творчестве и не имеет прямых аналогов?

Если попробовать сказать о спектакле словами музыканта, то получится весьма гармоничная и положительная картина. Оркестр под управлением Сергея Вантеева задаёт ритм спектаклю, сопровождает каждую сцену, наделяя её характерной атмосферой, и «портретирует» персонажей, «присаливая» их главные черты. Когда Аполлон (Алексей Кошелев) с его беззаботными, но в то же время «хищными» ариозо и дуэтами оборачивается жестоким обманщиком в конце первого акта, а хор беспощадно скандирует: «Деньги! Деньги!» — под прожекторные вспышки «молний», когда дымовая завеса затягивает опустошённое лицо Зои (Надежда Маслова, Диана Чепик), а занавес останавливает действие, зритель уже совсем по-другому воспринимает эти жестокие, по сути, строчки: «Чем больше миллионов, тем больше привлекательности в ней».

Очень, очень глубокая трансформация персонажа, единственная такого рода во всём мюзикле. И это правильно, ведь сюжетный перелом как раз и заключает в себе всю суть пьесы, весь ужас осознания холодной жизненной правды. Но потрясающе то, как этот перелом решён сценически и музыкально, ведь во многом он стал возможен именно благодаря резкому интонационному кон-

трасту между «пританцовывающими» попевками Аполлона-обольстителя, шквальными вихревыми ударами хора и оркестра в последней сцене первого акта и проникновенными, до боли прочувствованными интонациями Зои.

Вообще, партия Зои, как и положено жертве драмы, изобилует трогательными мотивами, но при этом героиня не стенает и не выявляет признаков сентиментальности. Она, наверное, один из самых удачных музыкальных образов спектакля. Композитору мюзикла Эдуарду Фертельмейстеру удалось отразить самые разные черты характера героини — её простодушие и мудрость, наивность и возвышенную нежность, верность созданному ей самой идеальному образу мужа.

Остальные герои смотрятся не менее интересно, но воспринимаются в основном в комедийном контексте. Самостоятельных оркестровых фрагментов почти нет, музыка в основном открывает, подчёркивает и завершает происходящее на сцене. Отдельно можно оценить лишь вступление. Для тех, кто читал пьесу Островского, дополнительные музыкальные фрагменты предвещали обернуть и без того немалый объём прозы в как минимум четырёхчасовой «марш-бросок» по сцене. Даже с учётом купирования текста, произведение никак не могло уложиться в лимит менее 2,5 часов. К счастью, уложилось, чему способствовало, в том числе, и лаконичное вступление, которое длилось всего две минуты, но какие! Пританцовывающие ходы, «приджазованная» оркестровка, фанфары, издаваемые медными, наверное, в честь очень скорого и крайне лёгкого обогащения главного героя, сулили как минимум мюзикл со счастливым концом, а как максимум — водевиль с крайне интригующей серединой.

Слава Богу, этого не случилось, ведь, как оказалось потом (когда этой же музыкой закончился спектакль), счастливый конец не затмил прекрасную трагическую середину (и даже наделил её дополнительными смыслами), а пикантность заключалась лишь в комичных потугах лже-Оболдуевой не позволить Аполлону заполучить её «богатство». А в общем, музыкальное наполнение спектакля, если и не стало главным его сокровищем, то уж точно укрупнило суть драматического слова, представив его с другой, эмоциональной стороны. И если успех постановки будет продолжительным, а зал всегда будет полон новыми лицами, можно не сомневаться, что музыку к спектаклю точно разберут на шлягеры.

Теперь расскажем о спектакле с позиции актёра и режиссёра. Получим примерно вот что — если классику и нельзя сделать лучше, то точно можно сделать интереснее. Режиссёр сжился с музыкой настолько, насколько вообще можно проникнуться эфемерным звуковым материалом с композиторскими пометками к сценической адаптации. Всё, что происходит, воспринимается естественно, правильно и реально, как будто бы и не было до этого Островского с его сотней-другой страниц. Возможно, поэтические вставки и стихотворные интерпретации текста где-то и воспринимаются простоватыми, слишком прямыми и чересчур «в лоб», но режиссура по максимуму сглаживает неудачные вербальные «углы», давая зрителю картинку, которой бы позавидовал иной кассовый блокбастер. Как говорится в описаниях к нелицензированным пиратским копиям на сайте любого torrent-tracker'а, «ничего не вырезано, не перекодировано». Так вот, здесь и вырезано, и перекодировано, но с такой точностью, с таким чувством меры, что я даже не знаю, чему отдать предпочтение для первого знакомства всех несведущих — книге или спектаклю.

Актёры «живут» в своих ролях, как будто они давно сроднились с ними, и это понятно — под такую музыку, с таким темпом развития действия и такой контрастной полифонией характеров и сцен работать вдвойне приятней и желанней. Тем более, сыграть классического героя, наверное, мечта любого актёра.

Но так ли это?

Город Бряхимов. Тусклый кусочек запыленной провинции на полях бескрайней партитуры уездов, губерний и дворянских поместий императорской России. Многие, кто не понаслышке знает Бряхимов, знаком и с его бесконечными сплетнями, рождающими никому не нужные интриги. Многие, кто не понаслышке знает Бряхимов, также сведущ и в том, куда действительно может привести жажда денег. «Не красота нас полюбить заставит. Любовь поможет обрести нам красоту», — говорит главная героиня. Мы не слышим. А зря!

История, о которой здесь написано, родилась сравнительно недавно, в 1882 году. Сначала пье-

Сцена из спектакля «Красавец мужчина»

са «Красавец мужчина» была раскритикована, потом снята с репертуара, затем нашла своего зрителя, спустя более чем 130 лет для неё написали музыку. Получившееся произведение охарактеризовали как «мюзикл в водевильных тонах», поставили в театре, спектакль нашёл своих рецензентов, и вот, родился этот отзыв.

Можно много спорить о жанре, о постановке, о музыке, о режиссуре, о декорациях, о свете, о костюмах и вообще обо всех мелочах, но я хотел бы ответить на главный вопрос, рождённый самим фактом создания и постановки спектакля: «Зачем? Зачем была проделана такая огромная работа? Для чего?» И отвечу на него так: любое произведение несёт идею. И неважно, мюзикл это, водевиль или опера, насколько хорошо отыграли актёры и сколько forte прописано у труб. А важно, что идея злободневна и вечна.

Ведь история, с которой всё началось, родилась намного раньше 1882 года. Она была всегда, ещё с незапамятных времён. И наше счастье, что через 130 лет эта идея снова озвучена, пусть и в другом обличье. Ведь самое главное — донести мысль, сделать так, чтобы зритель её услышал, а судя по реакции зала, он услышал. И теперь главное — чтобы понял. Ведь неправда, что классических героев могут играть только актёры. Классические герои — это мы с вами. И вдвойне страшно, если кто-то из нас в итоге окажется Аполлоном, а кто-то — Зоей.

Иван Селезнев
фотографии Ирины Гладунко

«Заря апокалипсиса»

На Новой сцене Мариинского театра представили один из самых радикальных и загадочных балетов XX века «Ярославна. Затмение» Бориса Тищенко.

Балет «Ярославна» был создан Борисом Тищенко для Ленинградского Академического Малого театра оперы и балета (ныне — Михайловский театр). Постановка, премьера которой состоялась 30 июня 1974 года в хореографии Олега Виноградова и режиссуре Юрия Любимова, стала одним из самых громких балетных событий 1970-х. Спектакль не сходил со сцены 14 лет и выдержал более 120 представлений!

В «Ярославне» тесно переплелись пантомима, хоровое пение и балет с ярко выраженным эпико-драматическим началом, это своего рода большая хореографическая симфония. Музыка балета отражает неспокойный ритм жизни Руси той поры с междоусобицами князей, нашествиями кочевников, горем и страданиями людей. Но есть в балете и светлое начало. Это образ Ярославны, любящей верной жены князя Игоря.

Новое сценическое воплощение балета представил талантливый молодой хореограф Владимир Варнава, дважды обладатель «Золотой маски», лауреат фестиваля «Арлекин» и победитель конкурса молодых хореографов «Context. Диана Вишнева».

«Ярославна. Затмение» — очередной проект Варнавы в творческом альянсе с драматургом Константином Федоровым и художником-постановщиком Галей Солодовниковой.

В отличие от «Князя Игоря» Бородина в балете Тищенко особое внимание уделено женской доле: не только переживаниям княгини Ярославны, но и страданиям самой Земли, раздираемой войнами и распрей. Варнава намеренно акцентирует это, вводя в название балета еще одно слово — «Затмение». Так называется финальная сцена первого акта, в котором силы природы посылают страшное знамение собирающемуся на битву Князю Игорю. Но он отказывается прислушаться, отчего и случается трагическое происшествие — русские князья оказываются в плену у кочевников, гибнет дружина Игоря, русская земля тонет в бесправии и катаклизмах.

Владимир Варнава: «"Ярославна" Бориса Тищенко — прямое отражение "Макбета". Там мы наблюдаем почернение души человека, а здесь от затмения, через испытания и самую главную вину, лежащую на нём, смерть большого количества людей, герой приходит к ясности. В этой музыке главное то, что Тищенко как композитор, как философ в нее заключает, — его музыкальные приёмы, открытия, заключенные в арку сюжета. Музыка сложная, в партитуре визуально очень много всего интересного, ею можно просто любоваться».

С открытием занавеса внимание зрителя сосредоточивается на гигантском копье, по которому неспешно передвигаются персонажи спектакля. Это же копье в дальнейшем перевоплощается в крест, своего рода символ непрекращающихся войн.

Трагический эпизод балета — сцена солнечного затмения, кульминация первого действия. Дмитрий Шостакович был поражен этой впечатляющей страницей балета своего младшего современника, в которой передавался ужас людей, «столкнувшихся с непонятным и грозным явлением природы».

Борис Тищенко: «"Слово о полку Игореве" — трагичнейший документ. Это не эпопея, не героическая драма, а самая настоящая трагедия! Трагедия целого народа»!

В премьерных спектаклях были заняты солисты балета Мариинского театра: Злата Ялинич (Ярославна), Юрий Смекалов (Игорь), Григорий Попов (Див), Владислав Шумаков (Кончак), Кристина Шапран (Половецкая дева).

Юрий Смекалов: «Эта история очень концептуальная, здесь нет какого-то определенного повествования, стёрты границы времени и места действия: XII век и поход дружины князя Игоря на половцев. Режиссера волновала задача раскрыть характер человека, который в угоду своей гордыне, ратным подвигам и личной славе ведет людей за собой, не думая ни о стране, ни о народе».

За дирижерским пультом стоял Валерий Гергиев. Маэстро долгое время мечтал возродить этот балет на петербургской сцене. Музыку «Ярославны» Бориса Тищенко Валерий Гергиев представлял за рубежом, в том числе на собственном фестивале в Роттердаме.

Валерий Гергиев: «В свое время на Западе музыка "Ярославны" Бориса Тищенко вызвала у публики ошеломительную реакцию. Испытывая уважение к предыдущей исторической постановке балета, мы сознательно выбрали молодую команду постановщиков, что явно диктовалось и логикой, и неумолимым ходом времени. Я не исключаю, что данный

спектакль после тридцати пяти лет забвения может вызвать и некоторые споры у людей, но отзывы будут самые разнообразные. Труппа работала очень интенсивно, действительно, невероятно сложный музыкальный материал. Оркестр у нас быстро и очень мобильно работает. Музыка Бориса Тищенко звучала и будет продолжать звучать в Мариинском театре. Его симфонии, Реквием, инструментальные концерты представляют важнейший пласт в истории отечественной музыки XX — XXI столетий. Я обращался ко множеству сочинений композитора, дирижируя их с разными оркестрами мира. Невозможно забыть бесценные минуты общения с самим композитором. Борис Иванович бывал на многих моих концертах не только здесь в Петербурге, но и на Западе. Каждая из партитур Тищенко — это звучащий мир образов, мистических чувств и яростных стремлений. И все же ничто по масштабу не может сравниться с полноценной театральной постановкой «Ярославны». Это — один из интереснейших балетов советского прошлого. 1960-70-е годы «в тени Шостаковича» давали стране немалое количество интересной музыки, происходили яркие творческие процессы, создавались новые произведения. Публике всегда необходимо открывать и возвращать забытые сочинения, мы максимально стараемся способствовать этому движению. Я лично считаю своим долгом знакомить публику с творчеством такого большого композитора и передавать свою любовь к его музыке слушателям».

Валерий Гергиев тонко почувствовал будоражащий нерв музыки «Ярославны» и оживил партитуру балета Бориса Тищенко, насытив ее ярким драматизмом и эмоциональным тоном. Оркестр Мариинского театра под гипнотическим воздействием Валерия Гергиева звучал необычайно динамично и сбалансированно, передавая яркую и образную суть музыки Бориса Тищенко.

Виктор Александров, Санкт-Петербург
(первая публикация в журнале «Musicum»
http://www.musicum.pro)
Фото Натальи Разиной © Мариинский театр.

Корабль мечты на Эльбе

Германия получила впечатляющий концертный зал с роскошной акустикой расположенный в западной части города Гамбург, — прекрасный образец современной архитектуры.

Здание высотой 110 метров находится у самой кромки воды, возле пристаней на реке Эльба. Оно представляет собой массивную структуру с кирпичной основой и стеклянным верхом в экспрессивной форме кристалла, который окружает большой концертный зал на 2100 мест, а также камерный зал на 550 мест. Комплекс также включает в себя пятизвездочный отель, апартаменты, рестораны, фитнес-зал и конференц-центр.

Проектированием филармонии занимались архитекторы из бюро Herzog & de Meuron Александр Жирар и Дитер Беккен, авторы музея Tate в Лондоне и Олимпийского стадиона в Пекине. Наконец-то воплотилась в жизнь их мечта создать для города новый ориентир — «культурный маяк для всех граждан».

Строительство Эльбской филармонии началось в апреле 2007 года и продолжалось более десяти лет. При этом бюджет стройки вырос в десять с лишним раз. Конечная стоимость проекта обошлась стране в 866 миллионов евро. Из них 789 миллионов поступили из федерального бюджета, 57 миллионов — пожертвования частных лиц, почти 20 миллионов — вклады коммерческих структур и владельцев 45 квартир, запланированных как часть проекта.

Еще в ноябре 2016 года была открыта терраса на высоте 37 метров над землей. Архитекторы ее назвали Plaza («Площадь»). Она занимает 4000 кв. метров, не уступая по своим внушительным масштабам знаменитой Ратушной площади Гамбурга. Отсюда открывается живописный вид на Гамбург, который теперь по праву может претендовать на звание музыкальной столицы Европы. Вход на террасу свободный, там работают бары, рестораны, театральные кассы и проход в фойе филармонии.

Акустическими параметрами Большого зала Филармонии занимался всемирно известный специалист проектирования звука в театральных и концертных залах Ясухиса Тойота (Япония). Компания Waagner-Biro обеспечила поставку целого комплекса сценического оборудования для Большого и Малого залов, включая верхнюю и нижнюю механику сцены, а также современную систему компьютерного управления CAT.

Сферической формой концертная сцена Большого зала действительно больше напоминает арену, вокруг которой подобно виноградным лозам возвышаются ряды кресел для зрителей. Большой зал достигает по высоте 25 метров, каждый зритель сидит не далее 30 метров от оркестра, поскольку сцена расположена посередине. Между ярусами встроен большой орган с 65 регистрами и почти 5000 труб длиной до 10 метров.

Здание Эльбской филармонии

Акустика зала производит колоссальное впечатление из-за так называемой weiße Haut (белой оболочки) — облицовки из гипсоволокнистых панелей с тончайшей резьбой. Сами панели отличаются друг от друга, каждая из них индивидуально рассчитана и отфрезерована с помощью компьютерных технологий: звук, отражаясь от стен, способен проникать в любой участок акустического пространства зала, не создавая эха, но и сохраняя при этом динамическую палитру и объемность. На потолке зала укреплен гигантский рефлектор, равномерно распределяющий по залу звуковые волны.

В торжественном концерте-открытии Elbphilharmonie приняли участие хор и симфонический оркестр Северогерманского радио, хор Баварского радио. Солисты — Ханна-Элизабет Мюллер (сопрано), Вибке Лемкуль (альт), Филипп Жарусски (контратенор), Брин Терфель (бас-баритон), Павел Бреслик (тенор), Иветта Апкалне (орган).

Дирижер — Томас Хенгельброк (Германия).

На торжественной церемонии открытия Эльбской филармонии и праздничном гала-концерте присутствовали две тысячи гостей, среди которых были канцлер Германии Ангела Меркель, президент страны Йоахим Гаук, бургомистр Гамбурга Олаф Штольц, министры и депутаты бундестага, а также Кристоф Либен-Зёйтер, интендант Филармонии на Эльбе.

Оркестр Эльбской филармонии Северогерманского радио во главе с маэстро Томасом Хенгельброком

С момента открытия Эльбской филармонии в ней уже успели выступить с концертами прославленные музыкальные коллективы из Дрездена, Вены, Мюнхена, Чикаго и Нью-Йорка, знаменитые солисты, состоялось немало мировых премьер.

Филармоническую афишу нового сезона открыла серия «Концертов для Гамбурга» (Konzerte fur Hamburg). Именно под таким девизом стартовал цикл выступлений оркестра Эльбской филармонии Северогерманского радио во главе с маэстро Томасом Хенгельброком.

Художественный руководитель и главный дирижер коллектива продолжает тестировать акустику нового зала Европы.

Томас Хенгельброк: «В этом большом зале действительно царит особая атмосфера. Ты чувствуешь близость зрителей, здесь смотреть и слушать удобно с любого места. Безусловно, здесь совершенно другая акустика, чем в гамбургском Ляйцхалле. Таким образом, оркестру пришлось искать себя заново, пробовать новые размещения на сцене. Мы очень много экспериментировали. Какое-то определенное положение оркестра хорошо для одного зала, а в другом не функционирует. Так что в Эльбской филармонии я поставлен перед такими же задачами, какие стоят перед каждым дирижером, работающим в новом концертном зале. Но это замечательно, когда к подобным условиям приходится привыкать в одном из лучших залов мира».

Концертную программу вечера открыла симфоническая поэма «Влтава» из цикла «Моя родина» Бедржиха Сметаны.

Томас Хенгельброк был еще и ведущим вечера, поочередно знакомя публику с каждым из произведений, заявленных в программе.

Упомянув о Патриции Копачинской, которая солировала в концертной рапсодии «Цыганка» Мориса Равеля, маэстро Хенгельброк, так и не успев представить солистку, быстро схватил дирижерскую палочку. Ведь знойная молдавская скрипачка словно бабочка выпорхнула на сцену в экстравагантном платье, уже играя первые такты сочинения и стремительно увлекая за собой оркестр. Контакт с оркестром сложился действительно идеальным!

Завершили концерт Сюита вальсов из оперы Рихарда Штрауса «Кавалер роз» и антракт к III действию из оперы «Лоэнгрин» Рихарда Вагнера.

На следующий день Томас Хенгельброк пригласил выступить с гамбургским оркестром замечательного немецкого виолончелиста Николаса Альтштедта. В программе вечера прозвучали Концерт № 1 для виолончели с оркестром Йозефа Гайдна и Концерт для оркестра Белы Бартока.

Этим же вечером в Камерном зале Эльбской филармонии в рамках фестиваля «Восходящие звезды» («Rising Stars») выступил Кристофер Парк, молодой немецкий пианист-виртуоз корейского происхождения. Он исполнил произведения Иоганна Себастьяна Баха, Иоганнеса Брамса, Игоря Стравинского и Ольги Нойвирт.

Тысячи слушателей из разных уголков земного шара уже побывали в этом роскошном филармоническом дворце, билеты на концерты раскупаются с молниеносной быстротой. Гамбуржцы уже шутливо называют здание филармонии «Эльфи», так что любой желающий, приехав в ганзейскую столицу Германии, не минует это чудо архитектуры нашего времени.

Виктор Александров, Гамбург
(первая публикация в журнале «Musicum» http://www.musicum.pro)
Фото Натальи Разиной © Мариинский театр.

Зал Эльбской филармонии

Уникальный нижегородский театр

Театр «Преображение» единственный в Нижегородском регионе профессионально развивает в своей творческой «лаборатории» жанры пантомимы и музыкальной пластики. Наряду с этим, репертуар театра включает и драму, и детскую сказку, и музыкальный спектакль. Уже семнадцать лет под руководством режиссера Анатолия Малофеева живет и преображается труппа театра, на сцене которого нашли свое призвание и выпускники Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки. Многие из них обучались на кафедре музыкального театра — Екатерина Чилингарашвили, Татьяна Тихомирова, Ольга Коновалова, Любовь Ерина, Игорь Будник; есть в творческом коллективе и музыканты-исполнители — Павел Томилов и Владимир Митяков. Литературно-драматургической частью руководит Ксения Половникова, дипломированный музыкальный журналист и редактор в СМИ.

«Пахари вселенной»

«А эти люди — пахари Вселенной», — голос за сценой эпиграфом декламирует стихотворение из сборника «Неизвестный Байконур». Эта фраза уже в самом начале спектакля заставляет впервые дрогнуть сердце.

Новая работа режиссера Андрея Ярлыкова «Солдатики» по пьесе В. Жеребцова была поставлена в Нижегородском театре музыкально-пластической драмы «Преображение». 28 октября — день долгожданной премьеры. Сложный в драматургическом и психологическом плане материал сам по себе заслуживал внимания: на своей сцене его ставили театры Пскова, Липецка, театр-студия Олега Табакова в Москве. Неповторимость трактовок поражает, настолько контрастно может быть преподнесен материал.

Теперь и нижегородцы могут не только проникнуться «атмосферой» советской армии 80-х годов, но и поразмышлять на вечную тему противостояния добра и зла в человеке.

«Солдатики» — иронично-сострадательное имя спектакля о жестокости и неумолимости системы, перемалывающей людей. Герои драмы — Саша Хрустяшин по прозвищу Хруст (С. Фокин), простой парень, несущий службу в подсобном хозяйстве; Андрей Новиков (А. Пятаков) — интеллигентный студент-«скрипач» из Гатчины, прибывающий на «перевоспитание» к Хрусту; персонаж по прозвищу Бес (А. Голошапов) — воплощение тупого насилия, «человек» без принципов и жалости. «Святой» Андрей и безымянный Бес — два полюса встретились в вакууме байконурской степи, и между ними существует Хруст: предает и раскаивается, отрицает и верит — он обычный человек, просто человек…

Молодым артистам удалось создать мощный мужской «костяк». Актерский состав с невероятной глубиной осмыслил своих героев. Даже их внешний облик говорил о многом: бешенство темных глаз Беса, хрупкость фигуры Андрея, простота и открытость светлых кудрей Хруста. Впечатлил своеобразный парадокс режиссуры: несмотря на мастерски созданную картину зла и насилия современного мира, в целом работа А. Ярлыкова имеет светлый тон. Этому способствуют и декорации: задник — тонкая полоска степи и пространство голубого чистого неба, теплый свет, по-деревенски простая утварь на авансцене и деревянный забор.

«Солдатики» в «Преображении»

Благодаря невероятной энергетике актеров и грамотной сценографии постановка получилась динамичной, яркой, понятной в своей идее: человек не может не быть вовлечен в вечную борьбу добра и зла, но последнее слово всегда остается за ним.

Как, если не веришь?

В маленьком холле собираются люди. Приветливый гардеробщик подает голубой номерок, а работники с улыбкой приглашают в уютный зал, где уже приглушены софиты.

Звучит третий звонок, поднимается занавес.

Субботним вечером гости нижегородского театра «Преображение» очутились в детстве. Моно-спектакль «Держись за красное» режиссера К. Мартыновой каждого зрителя погрузил в ностальгические размышления о времени, когда маленькие проблемы казались катастрофическими, когда любовь была такой простой, а слова — только правдивыми.

«Заново переживаешь все те проблемы, которые были в детстве, это тяжело, но это также приносит много радости», — говорит Татьяна Тихомирова, актриса главной, но не единственной роли. Ее устами в этот вечер говорили и взрослые, и дети…

Все софиты сконцентрировали своё внимание на маленькой, «нескляшной» (такое забавное словечко бабушки нежно говорили нам, когда мы разбивали самую красивую кружку) фигурке Ани Богачевой. Аня — обычная девочка с первого этажа, вокруг которой — целый мир. Первая подружка — Оля, постоянная спутница и «судья» героини на протяжении всего действия, Пашка — самая первая «любовь»; мама, папа, Бог и она, Аня. Её хрупкая ручка коснулась всех сердец в зале этим вечером.

Жизнь ценна каждым своим мгновением, она не «когда-нибудь», она «сейчас». «Как играть, если не веришь — это самая главная фраза всего спектакля! И по отношению к актеру, и к жизни», — загорается огонек в глазах актрисы. Быть по привычке, работать без страсти, двигаться, не надеясь прийти. Как? Как, если не веришь?

«Как если не веришь?» Аня Богачева (Татьяна Тихомирова)

Надежда Базанова

Страна вдохновения

Для творческого человека очень важны новые эмоции, яркие впечатления. Существует множество способов для того, чтобы их приобрести. И наиболее приятный — отправиться в путешествие. А в морозный зимний день особенно хочется помечтать и хотя бы мысленно оказаться в далекой солнечной стране.

Какие образы рождаются в воображении, когда вы слышите об Испании? Чарующие звуки фламенко, страстные ритмы пасодобля, темпераментная накаленность корриды… Испания многогранна! Ежегодно она привлекает миллионы туристов со всего мира «мягким средиземноморским климатом, гастрономическим разнообразием и красочными фестивалями» — читаем в буклете. Но главная ценность страны — её богатая история и яркая, самобытная культура, которой восхищается даже самый искушенный путешественник.

Испанию можно сравнить с лоскутным покрывалом, где каждая область удивляет своей исключительностью. Каталония — один из самых богатых и знаменитых регионов страны. Каталонский архитектурный модерн, национальный танец — сардана, игристое вино — кава, и даже свой особый диалект… Жители области с гордостью говорят: «Мы не испанцы, мы каталонцы!»

Не влюбиться в Каталонию невозможно. Она завораживает красотой природы и добротой, открытостью местных жителей. А еще, Каталония — столица футбольной Испании, ведь именно здесь находится один из лучших клубов мира — «Барселона», местные жители называют его ласково «Барса».

О столице Каталонии — Барселоне — слагают легенды. Для заядлых туристов это лакомый кусочек на огромной карте мира, и один из городов для обязательного посещения, наряду с Парижем, Лондоном или Римом. Каталония подарила миру гениев архитектуры, живописи, музыки — Сальвадор Дали, Антонио Гауди, Исаак Альбенис, Монтсеррат Кабалье… Не зря говорят, что Испания — страна вдохновения, ведь здесь всё располагает к творчеству.

«Самый ярый каталонец из всех каталонцев…»

Архитектурное наследие Антонио Гауди ошеломляет и завораживает. Его работами нельзя не восхищаться, ведь он сформировал архитектурный облик Барселоны, который легко узнаваем. Великого каталонца называ-

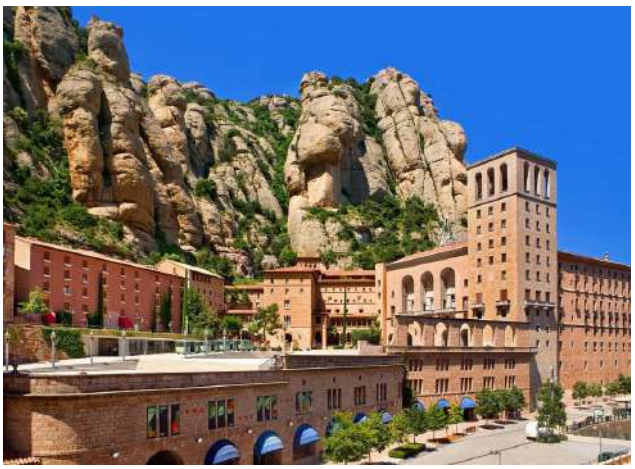
Sagrada Familia

ют «поэтом камня», «рыцарем» и «Данте архитектуры». Работы Гауди сделаны на грани фантастики, создается впечатление, что непревзойденный мастер опередил своё время на несколько веков вперед. Даже современные архитекторы теряются в догадках, как в начале XX века можно было придумать и построить такие шедевры.

Символ Барселоны — Sagrada Familia, собор Святого Семейства. По значимости и популярности его можно сравнить с собором Святого Петра в Риме или с Собором Парижской Богоматери. Новаторские устремление Гауди нашли отражение в самобытной архитектурной форме храма, поэтому его часто называют «Замком из сказки». Многие знатоки архитектуры определяют Sagrada Familia как неоготическое сооружение, но сам Гауди говорил, что собор должен быть готическим только по духу и основным формам. «Моя любовь и смысл жизни», — так отзывался о Sagrada Familia великий архитектор, ведь он не только возглавлял строительство храма, но и последние годы жил в нём, а позднее был похоронен в крипте ещё незавершенного собора. Постройка храма длиною в 135 лет не заканчивается и сегодня. Любовь всей жизни Гауди продолжает совершенствоваться, находя отклик в сердцах каждого, кто хоть раз соприкасался с его величием.

Воплощать удивительные идеи Антонио Гауди помогали меценаты, один из них — Эусебио Гуэль, заказавший архитектору проект «Города-сада». Сегодня парк Гуэль (Parc Güell) входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Гауди считал, что лучшего архитектора, чем сама природа невозможно найти, поэтому свои работы старался максимально приблизить к её творениям. И лучше всего ему это удалось воплотить именно в проекте удивительного «Города-сада». Антонио Гауди не признавал прямые линии, поэтому там невозможно встретить правильных архитектурных форм. Знаменитая змеевидная скамья на центральной площади парка полностью повторяет изгиб спины человека. Гауди позаботился о том,

Парк Гуэль



Гора Montserrat

чтобы каждый присутствующий чувствовал себя здесь комфортно, ведь этот парк задумывался как место воссоединения с природой и гармонии с самим собой. Дороги парка украшают волнообразные арки и каменные пальмы, а потому создается ощущение, что эти постройки выросли как будто из самой земли, а не созданы рукой мастера.

В Барселоне сохранилось множество великолепных архитектурных строений Гауди: дом Висенс, дворец Гуэля, колледж Святой Терезы, дом Кальвет, Бельесгуард, дом Бальо, дом Мила… Его работы исключительны и уникальны, в этом и заключается феномен великого гения.

В гости к королевским павлинам

Parc Sama — одно из самых красивых и романтических мест в Каталонии. Сегодня это частный ботанический сад со своей незаурядной историей. Парк был создан в 1881 году Сальвадором Сама и Торрентс, маркизом де Марианао. Сальвадор Сама часто путешествовал, интересовался культурой других государств и всегда был открыт новым впечатлениям. Прожив несколько лет на Кубе, вернулся на родину и решил создать у себя в поместье маленький уголок кубинских пейзажей, которые бы радовали его глаз и напоминали о жаркой, тропической стране.

«Это рай на земле, Эдем, украденный с небес», «природа, ограненная искусством», — так говорили о саде знатные посетители в XIX веке. Восхищаются парком и в наши дни. Виноградники, оливковые и миндальные деревья, столетние дубы и липы, индийские каштаны, кипарисы, бразильские юкки и эвкалипты…, а настоящим украшением сада стали королевские павлины, которые гордо демонстрируют свое роскошное оперение перед восхищенными посетителями. Жемчужина парка — небольшое озеро с прозрачной водой, где лениво плавают красноухие черепахи и резвятся маленькие разноцветные рыбки.

Парк Сама

«Черная Мадонна»

Сальвадор Сама восхищался природой во всех её проявлениях, он детально изучал не только флору, но и фауну разных стран, поэтому в свой сад привез животных из всех уголков мира. Здесь жили фазаны, попугаи, волки, обезьяны, крокодилы, пантеры, медведи, перуанские ламы, ласточки, лебеди, страусы. К сожалению, сейчас мы не сможем увидеть такое потрясающее разнообразие фауны, увы, но всех животных истребили во время испанской гражданской войны. Сегодня в парке обитает лишь небольшая семья оленей, которые с осторожностью, но одновременно и с неподдельным интересом знакомятся с посетителями.

Большое количество туристов посещают этот парк с середины июля до середины августа, ведь здесь ежегодно проходит Камбрильский международный музыкальный фестиваль, в котором представлены, кажется, все жанры искусства — балет, опера, театр, инструментальное и вокальное мастерство, пантомима.

Благословение La Moreneta

Знаменитую гору Монтсеррат называют местом для тихих молитв и философских размышлений человека. Туда едут паломники со всего мира, и не только католики, но и православные христиане, а бывают и представители протестантского вероисповедания. Все они стараются поклониться главной святыне горы Монтсеррат — Черной Мадонне. Сами каталонцы называют ее La Moreneta — «смуглянка». Главную загадку Богородицы — темный цвет её лица и рук — до сих пор никто не может отгадать, и лишь предполагают, что черной она стала от человеческих грехов, в которых ей каются каждый день тысячи верующих!

Бенедиктинский монастырь на горе Монтсеррат — духовный центр Каталонии и один из самых древних монастырей Европы. Здесь создана уникальная певческая школа, которая славится на весь мир. Обучаются в капелле Монтсеррата исключительно мальчики до 14 лет. За звонкие, хрустальные голоса их пение называют «ангельским» или «золотым». Каждый день хор мальчиков исполняет григорианский распев Salve Regina, который с нетерпением ждут все посетители монастыря, сравнивая исполнение гимна Богородице с путешествием в рай.

Монастырь Монтсеррат скрывают от людских глаз массивные горы, они как будто защищают и ограждают это намоленное место. Первое, на что обращаешь внимание, — фантастическая форма вершин. Если присмотреться, то можно увидеть фигуры старцев в монашеском одеянии или Лик Святой Девы. Такой причудливый вид гор складывался из песка, земли под воздействием воды веками, лишний раз доказывая, что самый лучший скульптор — сама природа. Здесь уникальные пейзажи, от которых захватывает дух! По легенде, на самой вершине (а это 1236 м над уровнем моря) обитают ангелы, и каждый человек, поднимаясь туда, ощущает особое духовное смирение и Божью благодать. Наверное, здесь, на святой горе и живет непокорная, пламенная душа страны…

Испания таит в себе немало загадок. Их невозможно разгадать за одно путешествие, в эту страну нужно приезжать многократно, и тогда возможно, откроются самые сокровенные тайны великого королевства.

Юлия Серова

Попутная песня

Наш трамвайчик номер «два»
По кольцу ползет едва;
Появленью его рад
Весь студенческий отряд.
Остановка «Шоколад».

Ах ты, трам- порам-порам!
На экзамен нам пора,
Наши преподы суровы –
Разгуляевы-Смирновы,
Не сыграешь менуэт, —
И стипендии привет!

Если вдруг от цифры «два»
Закружилась голова,
Может, лучше подождать
Вам трамвайчик номер «пять»?

Ну а если черный кот
Два ведра пустых возьмет
И, невинно улыбаясь,
Нам дорогу перейдет…
То, наверно, нам с тобой
Не видать судьбы иной,
Кроме как стелить соломки
Прям на площади «Сенной».

Пусть бездельники всё врут.
Музыканты – это труд!
Черный труд! Черный труд!
Жаль, дорожка не прямая,
Как у нашего трамвая…
Остановка «Трудовая».

Если бедненький ваш мозг
От учебы, словно воск,
Если русская хандра
Гложет с ночи до утра,
От симптомов ее тяжких
Избавляют на «Семашко».

Я скажу тебе, как другу,
Весь свой век хожу по кругу;
Пред тобой же сто дорог,
Только выйдешь за порог.
Скоро свидимся мы снова.
Остановка «Пискунова».

С. В. Смирнов

Консонанс
Научно-просветительский и информационный журнал
№ 2 (48–50) 2017
Компьютерная верстка И. В. Смирнов
Корректор Е. В. Приданова
Технический редактор Т. Б. Суханова
Свободная цена
Подписано в печать 15.12.2017. Дата выхода в свет 18.12.2017. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 5,58. Тираж 100 экз. Заказ № 138.
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки»
603950, Нижний Новгород, ГСП-30, ул. Пискунова, д. 40.
http://www.nnovcons.ru